

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» КАЖДОЙ ШКОЛЕ ГОРОДА И РАЙОНА

В конце 2007 года в Коломенском государственном педагогическом институте (КГПИ) состоялась презентация специального номера «Военно-исторического журнала», посвященного 830-летию города Коломны. В мероприятии приняли участие более 200 студентов института, а также многие преподаватели. Коломенская организация ветеранов Вооруженных сил во главе с председателем Совета ветеранов заслуженным военным летчиком СССР генерал-майором в отставке И.И. Иконным была представлена участниками Великой Отечественной войны и ветеранами Вооруженных сил.

Открыл презентацию ректор КГПИ доктор исторических наук, профессор А.Б. Мазуров. Затем выступили главный редактор «Военно-исторического журнала» кандидат исторических наук капитан 1 ранга И.А. Анфертьев, заместитель председателя Историко-патриотического центра г. Коломны контр-адмирал запаса В.Ф. Юрченко, участник Великой Отечественной войны член президиума Совета ветеранов В.М. Антоненко, заведующий кафедрой отечественной истории и экономической теории кандидат исторических наук, доцент А.И. Шавельков. Более 500 номеров журнала получили студенты КГПИ. Это было подарком бывших студентов, а теперь частных предпринимателей. Благодаря инициативе заместителя командира войсковой части 88612 по воспитательной работе полковника Л.Л. Ломако «Военно-исторический журнал» оказался в солдатских казармах. Директор коломенской школы №20 Е.В. Веткин на торжественной линейке, посвященной началу учебного года, подарил около 100 номеров журнала лучшим ученикам и ветеранам войны. Директор средней общеобразовательной школы при посольстве США в России А.Н. Ахренов на первой встрече с учителями и учащимися подробно рассказал об истории родного города и познакомил с содержанием журнала. Около 100 номеров журнала получили участники Международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XX—начале XXI века», организованной КГПИ.

Плодотворное сотрудничество КГПИ и редакции журнала постоянно освещается в газетах «Коломенская правда», «Угол зрения», «Ять», на Коломенском телевидении и радио.

В подготовке спецвыпуска «Военно-исторического журнала» и проведении патриотических мероприятий оказали неоценимую помощь Историко-патриотический центр при администрации г. Коломны, заместитель главы администрации Коломенского района Н.Ф. Быков, руководство КГПИ, начальник управления образования города Коломны Т.В. Старателева, генеральный директор ООО «ДОММ» Н.Т. Воронин, руководитель Коломенского отделения ассоциации «Военное братство» Д.В. Федоров.

В заключение презентации главный редактор журнала И.А. Анфертьев вручил благодарственные письма от Редакционно-издательского центра МО РФ и редакции Н.Т. Воронину, предпринимателям — бывшим выпускникам КГПИ В.В. Питиримову, А.Ш. Алборову, Л.Р. Бодовну, Н.Г. Параставу.

А.Н. ЧАБАНОВА

Презентация специального номера журнала в Коломенском государственном педагогическом институте

Гости презентации специального выпуска «Военно-исторического журнала»

Выступает главный редактор «Военно-исторического журнала» (1999–2007) И.А. Анфертьев

Коллектив авторов, принимавших участие в создании спецвыпуска «Военно-исторического журнала»

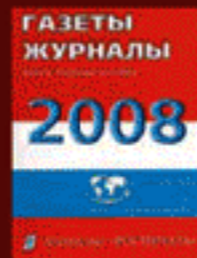

Член президиума Коломенского Совета ветеранов В.М. Антоненко и доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики КГПИ П.В. Горностаев

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
1999 2008 2

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книжки. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книжки» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2008 года — 44 рубля. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 34а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97. E-mail: MI_Hot_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет - приложение» за 2004–2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание
Министерства
оборон
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ
№2
2008

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

От наместничества до регионального командования: централизация военного управления на Дальнем Востоке России

«Вымученная коалиция» в Крымской (Восточной) войне 1853—1856 гг.

«Приде рать велика русскаа...». Походы русских дружин в конце VIII—IX века

Л.З. Мехлис: «Вы коммунист и обязаны уметь вести пропаганду, чтобы морально обессилить противника»

Участие сербского духовенства в антифашистской борьбе в 1941 году

Освобожденные от призыва облагались прямым налогом

ISSN 0321-0626

Офицеры 124-го пехотного Воронежского полка: капитан в парадной форме, полковник в пальто, капитан в куртке, подпоручик в обыкновенной форме 1882 г.

**2 февраля — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943).
День воинской славы России**

«ЕЖЕЛИ КОГДА СЛУЧИТСЯ ТО ОТ ПОЛЕВЫХ БУДУТ

Форма одежды чинов

Портрет генерал-адмирала А.И. Остермана
Художник М.В. ПЕТРОВ-МАСЛАКОВ, 1999 г.

Офицер от солдат корабельного и галерного флотов в строевом мундире образца 1726 г.

Лейтенант роты корабельных гренадёров в форме образца 1728 г.

Гардемарины в форме образца 1728 г. Слева направо: сержант, капрал, рядовой

Гардемарин в форме образца 1738 г.

Офицер морской артиллерии в форме образца 1732 г.

При преемниках Петра I русский морской мундир сохранил основные черты, заложенные в первой четверти XVIII века. В это время в обмундировании флота утвердился светло-синий, или васильковый цвет. 14 января 1726 года Адмиралтейств-коллегия приказала офицерам морских солдат корабельного флота и 3 галерных рот шить за свой счёт единообразные форменные кафтаны василькового цвета с красными обшлагами, красные камзолы и васильковые штаны. Кафтаны обшивались по бортам серебряным позументом. Позднее, в 1728 году, мундир корабельных и галерных солдат, артиллеристов и матросов был установлен синий с красными подбоем и отделкой (кому это было положено). Кафтаны солдатских унтер-офицеров имели металлический позумент: у сержантов, каптенармусов, подпрапорщиков и капралов на обшлагах и воротниках — в один ряд. Пуговицы употреблялись различные, в том числе роговые, но с 1729 года для кафтанных и камзолов — только медные. Чёрные треугольные солдатские шляпы украшали тесьмой и кистями, как и в сухопутных полевых полках.

Состоящей на флоте роте гренадёр в 160 человек полагались особые головные уборы — конические гренадёрские шапки с медными высеребрёнными

налобниками. Рядовым шапки шили из синего сукна с красной окантовкой налобников, обшивали по швам шерстяной тесьмой, вверху головной убор украшала шерстяная кисть. У унтер-офицеров верх был из сукна, обшитый золотым позументом с шёлковой кистью, у офицеров — с позументом и золотой кистью. Гренадёры носили на плечевых перевязях кожаные сумы для гранат, а на поясе патронные сумки с медными накладками. Перевязи были лосиной кожи, у офицеров обшиты красным бархатом и золотым позументом.

Гардемаринам с 1728 года также были определены кафтаны василькового цвета с красными обшлагами, красные камзолы и штаны. Для различия чинов кафтаны богато расшивали широким золотым позументом: у сержантов — борта, воротник, обшлага, фалды и клапаны боковых карманов, у капралов — воротник и обшлага. Сукно, подкладочную ткань, позументы и пуговицы нередко закупали за границей. Экономика того времени ещё не могла обеспечить все потребности в обмундировании, иногда не хватало сукна нужного цвета. Например, в 1729 году было решено солдатам и унтер-офицерам галерного флота «мундир произвести из наличного, кафтаны зелёные».

БЫТЬ С КОРАБЛЕЙ НА ЗЕМЛИ... ОТМЕННО, ЯКО ДРУГОЙ АРМИИ»

русского флота. 1725—1745 гг.

Из коллекций Центрального военно-морского музея

Матрос в канифасном кафтане образца 1722—1732 гг.

Матрос в тиковом бостроге образца 1722—1732 гг.

Знамя Академии Морской гвардии (в 1752 г. преобразована в Морской шляхетный кадетский корпус) 1733—1752 гг.

Рядовой морского полка в форме образца 1733 г.

Обер-офицер флота в форме образца 1735 г. Статуэтка

Обер-офицер флота в форме образца 1732 г. Статуэтка

Штаб-офицер флота в парадной форме образца 1735 г. Статуэтка

Повседневная и рабочая одежда у матросов, пушкаррей и мастеровых осталась прежней: бостроги и штаны до колена из сукна, тика и парусного полотна, которые выдавали на срок от 1 до 3 лет, а также круглые вязаные шляпы, чулки и башмаки. Всем, кроме кают-юнг, полагались высокие сапоги.

В первой половине 1730-х годов цвет морского мундира становится зелёным, как и в сухопутной армии. Как было отмечено в докладе Сената императрице Анне Иоанновне, «ежели когда случится быть с кораблей на земли и стоять в строю в одной линии, то от полевых будут отменно, яко другой армии». Поэтому с 3 июля 1732 года корабельным и галерным солдатам, гренадёрам, унтер-офицерам, а также музыкантам — трубачам, литаврщикам и гобоистам стали выдавать зелёные кафтаны. Кафтаны музыкантов для отличия обшивали бело-сине-красным шнуром, шили их с полукруглыми зелёными «крыльцами» (клапанами) на плечах. Корабельным артиллеристам мундир установили такой же, как и солдатам, а с 1736 года — с чёрными обшлагами, воротниками, с обшивкой петель и чёрными роговыми пуговицами.

В 1732 году впервые была сделана попытка ввести единообразную, василькового и красного цветов,

форму одежды для обер-офицеров флота. Но тогда это решение почти сразу приостановили «впредь до указа». Окончательно первая форма для флотских офицеров была установлена в 1735 году: зелёный кафтан с красными обшлагами, камзолом и штанами. У штаб-офицеров мундир был из лучшего сукна, кафтан и камзол расшиты золотым галуном, в отличие от обер-офицеров, которые галуна не имели. Тем и другим полагалось носить парики или заплетать свои волосы в косу, в строю быть в чёрных кожаных штиблетах, а на параде в красных чулках и тупоносых башмаках. Головные уборы — шляпы, у штаб-офицеров с золотым галуном.

Гардемаринам в 1738 году был определен зелёный мундир с красной отделкой, васильковые епанчи, чёрные кожаные штиблеты с обшитыми кожей пуговицами, а офицерам гардемаринской роты — всё, как у офицеров морских полков, но со штиблетами из чёрной кожи.

Публикацию подготовили А.А. ТРОНЬ; А.В. АНАНЬИН

«ИЗВЕДАЛ ВРАГ В ТОТ ДЕНЬ»

Фоторепортаж с Международного военно-

СРЕДИ великих годовщин наступившего тысячелетия особое значение для России и Европы имеет 200-летие Отечественной войны 1812 года. Именно в ту героическую эпоху, как никогда, проявилась сила русского духа и мощь российского оружия. Ярчайшим событием этой далёкой и славной поры явилось Бородинское сражение, по праву названное Наполеоном «битвой гигантов».

В начале сентября в Бородино состоялся Международный военно-исторический праздник «День Бородина», посвящённый 195-летию Бородинского сражения. Десятки тысяч россиян, туристы из различных регионов

НЕМАЛО, ЧТО ЗНАЧИТ РУССКИЙ БОЙ УДАЛЫЙ»

исторического праздника «День Бородина»

страны, зарубежья, а так же официальные представители иностранных военных миссий, представители государственной власти РФ стали свидетелями красочного действа — реконструкции сражения. Лучше узнать, почувствовать то грозное время позволяет этот грандиозный спектакль, где снова в ожесточённом бою сошлись русские и французские полки. Гордо реют знамёна, гремят пушки, несётся в атаку кавалерия. Так 195 лет спустя на Бородинском поле вновь возникают яркие картины великой битвы.

Фото В.С. КУЛИГИНОЙ

«ТОТ ВОЙНЫ КТО ПОД

15 сентября 1915 года в ходе Свенцянского прорыва германская кавалерия вышла к Сморгони и после 8-часового боя захватила город. Однако 20 сентября совместной атакой 9-й и 10-й Сибирских стрелковых, 68-й и 25-й пехотных дивизий город был освобождён. Немцы отошли на север, за Вилюю. Так началась героическая 810-дневная оборона Сморгони. В результате постоянных артиллерийских обстрелов к февралю 1918 года город был почти полностью разрушен. Газеты того времени в репортажах с фронтов называли Сморгонь «мёртвым городом». Сейчас это современный белорусский город, но и сегодня здесь многое напоминает о Первой мировой войне.

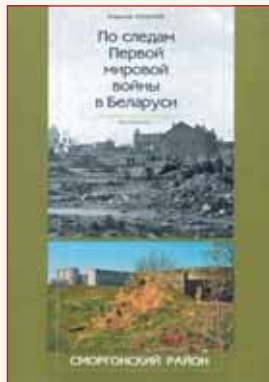
К 90-летию 810-дневной обороны Сморгони в рамках белорусской государственной комплексной программы научных исследований на 2006–2010 гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» в городе Сморгонь прошла Международная научно-практическая конференция «Беларусь в годы Первой мировой войны. Сморгонщина: трагедия, героизм, память». Организаторами её выступили Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Гродненский областной и Сморгонский районные исполнительные комитеты, обеспечившие высокий научный уровень и практически значимую направленность её проведения.

В работе конференции приняли участие представители посольств, учёные, историки, краеведы, архивисты, педагоги, деятели искусств из Азербайджана, Беларуси, Германии, Литвы, Нидерландов, России и Украины, всего более 70 человек. В целях военно-патриотического воспитания молодёжи в мероприятиях участвовали студенты и школьники Белоруссии, среди которых проводились творческие конкурсы на лучшие научные работы, литературные произведения, живописные и фотоработы, посвящённые событиям Первой мировой войны.

Участники конференции посетили Кревский замок, остатки линии оборонительных сооружений времён Первой мировой войны в д. Холки, немецкие оборонительные сооружения на окраине Сморгони и в д. Дубоватке; возложили цветы к мемориальному знаку «Примирение» в д. Белой; участвовали в презентациях проекта мемориального ансамбля по линии противостояния 1915–1917 гг., фотовыставке В.А. Богданова «По следам Первой мировой войны в Беларуси» и выставке А. Зубрицкого в Сморгонском историко-краеведческом музее.

В заключение работы оргкомитет и участники конференции приняли проект обращения к мировой общественности, призывающего к проведению широкомасштабной историко-культурной кампании по подготовке к 100-летию начала Первой мировой войны.

А.Н. ЧАБАНОВА

Обложка фотоальбома В.А. Богданова

Участники конференции

Прокладка русскими инженерами железнодорожных линий в зоне военных действий. Фото из альманаха «Великая война», 1915 г.

110-й пехотный полк у д. Черняты в 100 шагах от немецких окопов

Фото из фондов Российского государственного военно-исторического архива

Вид на центр г. Сморгони. Апрель 1917 г. Фото из альбома «Памятники войны» подпоручика Павликовского

Русские передовые окопы у г. Сморгони. Апрель 1917 г. Фото из альбома «Памятники войны» подпоручика Павликовского

Работы А. Зубрицкого, запечатлевшие мемориальные знаки времён Первой мировой войны на территории Беларуси

НЕ ВИДАЛ, СМОРГОНЬЮ НЕ БЫВАЛ»

К 90-летию 810-дневной обороны Сморгони

Презентация проекта мемориального ансамбля по линии противостояния 1915–1917 гг.

Немецкий дот у объездной дороги возле г. Сморгони

Возложение цветов к мемориальному знаку «Примирение» д. Белая

Военно-историческая реконструкция, подготовленная учениками Кревской школы у развалин Кревского замка

Речка Кревлянка – когда-то линия фронта...

Немецкий дот в малой башне Кревского замка. Фото В.А. БОГДАНОВА, октябрь 2001 г.

Немецкие укрепления у д. Вишнево. Фото В.А. БОГДАНОВА, август 2005 г.

Внутри «казармы» (убежище для личного состава), построенной немецкими солдатами. Фото В.А. БОГДАНОВА

Немецкий пулемётный дот на возвышенности у д. Берёзы. Фото В.А. БОГДАНОВА, май 2005 г.

Немецкая кухня находится в лесу. Фото В.А. БОГДАНОВА, май 2006 г.

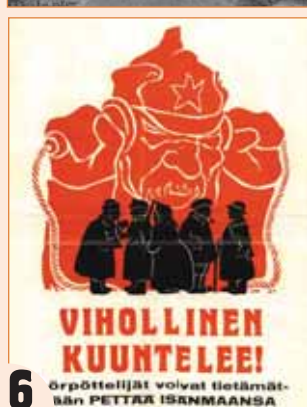
Артиллерийский капонир. Фото В.А. БОГДАНОВА, ноябрь 2005 г.

Чухны. Позиция артбатареи. Фото В.А. БОГДАНОВА, ноябрь 2005 г.

А.И. Остерман

МУНДИР ОТЕЧЕСТВА		FULL-DRESS UNIFORM OF THE FATHERLAND	
1	«Ежели когда случится быть с кораблей на земли... то от полевых будут отменно, яко другой армии». Форма одежды чинов русского флота. 1725–1745 гг. (Публикация А.А. ТРОНЯ, А.В. АНАНЬИНА) "If once happen to be from the ship on the ground... then seamen will differ from the army servicemen as if they belong to the foreign army". Regimentals of seamen of the Russian Navy. 1725–1745 (Publication of A.A. TRON', A.V. ANAN'IN)		
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ		MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
2	«Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый. Фоторепортаж с Международного военно-исторического праздника «День Бородина» Picture story from the international military historic festive occasion of "The Day of Borodino" А.Н. ЧАБАНОВА — «Тот войны не видал, кто под Сморгонью не бывал». К 90-летию 810-дневной обороны Сморгони А.Н. ЧАБАНОВА — "That one did not see the war who was not near Smorgon". To the 90-th year of the 810 day defense of Smorgon	1	
4		2	
ВОЕННАЯ РЕФОРМА		MILITARY REFORM	
9	В.В. ДЯТЛОВ — От наместничества до регионального командования. Централизация военного управления на Дальнем Востоке России V.V. DYATLOV — From the region ruled by governor-general to the regional command. Experience of the military management centralization in the Far East of Russia		
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ		NATIONAL SECURITY	
14	С.Л. ПЕЧУРОВ — «Вымученная коалиция» в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. S.L. PECHUROV — "Forced out coalition" in the Crimean (Eastern) war of 1853–1856		
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО		MILITARY CONSTRUCTION	
21	С.П. ЕЛИСЕЕВ — Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне S.P. ELISEEV — The Russian Army aviation development in the World War I		
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ		STANDPOINTS. OPINIONS. VERSIONS	
29	В.В. ЛУКОШНИКОВ — «Прииде рать велика русскаа...». Походы русских дружин в конце VIII—IX веке V.V. LUKOSHNIKOV — "The great Russian host will come...". Marches of Russian hosts at the end of VIII—IX centuries		
РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ		RUSSIAN MILITARY DIASPORA ABROAD	
34	В.В. БЕЛЯКОВ — Русская военная эмиграция в Египте. 1920–1980-е годы V.V. BELIAKOV — Russian military emigrants in Egypt. 1920–1980		
ИЗ ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА		FROM THE HISTORY OF INFORMATION CONFRONTATION	
38	Д.А. ЖУКОВ — Л.З. Мехлис: «Вы коммунист и обязаны уметь вести пропаганду, чтобы морально обессилить противника». Советская спецпропаганда в предвоенные годы D.A. ZHUKOV — L.Z. Mekhlis: "You are communists and have to be able to propagandize in order to weaken morally the enemy". Soviet special propaganda before the beginning of the war		
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ		MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
43	Д.А. БОЧИННИН — Специальная подготовка и морально-психологическое обеспечение дежурных смен управления космическими аппаратами. 1982–1990 гг. D.A. BOCHININ — Special training and moral psychological support of the shifts on duty to control space ships. 1982–1990 М.Н. ЗУЕВ — К вопросу о подготовке офицеров запаса в России. Конец XIX — начало XX века M.N. ZUEV — About training of officers in the reserve in Russia. End of XIX — beginning of XX centuries		
47			
ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ		ANNALS OF THE REGIMENTS	
49	А.Г. МАЛОВ-ГРА — 124-й пехотный Воронежский полк. 1914–1918 гг. A.G. MALOV-GRA — The 124-th infantry Voronezh regiment. 1914–1918		

ИСТОРИЯ ВОЙН		HISTORY OF THE WARS	
56	А.В. ШЕСТАКОВ — Участие сербского духовенства в антифашистской борьбе в 1941 году A.V. SHESTAKOV — Participation of the Serbian clergy in the anti-fascist struggle in 1941		
ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА		TRAGEDY OF CAPTIVITY	
60	Т.М. СИМОНОВА — Русские пленные в польских лагерях. 1919–1922 гг. T.M. SIMONOVA — Russian prisoners of war in the Polish camps. 1919–1922		
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО		ARMY AND SOCIETY	
64	Е.С. КРАВЦОВА — Освобожденные от призыва облагались прямым налогом E.S. KRAVCZOVA — Released from the draft persons were imposed direct tax		
67	А.А. БУДКО, А.А. ХИТРОВ, А.Ю. ВОЛЬКОВИЧ — Деятельность Комитета о раненых в XIX — начале XX века A.A. BUDKO, A.A. KHITROV, A.YU. VOL'KOVICH — Activities of the Committee about wounded in XIX — at the beginning of XX century		
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ		HISTORY OF MILITARY INTELLIGENCE	
71	В.И. ЛОТА — Кто вы, майор Вихрь? V.I. LOTA — Who are you major Vikhr?		

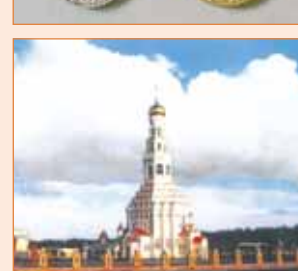
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ		FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
79	В.М. ДОГАДИН — Моя служба в 4-м понтонном батальоне в 1906–1908 гг. (Публикация З.Д. ЯСМАН) V.M. DOGADIN — My service in the 4-th pontoon battalion in 1906–1908 (Publication of Z.D. YASMAN)		
ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ		MEMOIRS AND ESSAYS	
81	Н.С. ЛЕСКОВ — Кадетский монастырь (Публикация О.Р. ДМИТРИЕВОЙ) N.S. LESKOV — The cadet monastery (Publication of O.R. DMITRIEVA)		
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ		CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
86	С.А. КОЛОМНИН — Беседы о забытых войнах S.A. KOLOMNNIN — Conversation about forgotten wars		
87	В.Г. КИКНАДЗЕ — Символика, история и современная проблематика морской авиации V.G. KIKNADZE — Symbolism, history and modern problems of the Navy aviation		
87	В.В. ПАРАХИН — Крылатая гвардия истребителей V.V. PARAKHIN — The wing Guards of the fighters		
46, 76	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ		MEMORABLE DATES
55	НАШИ ЛАУРЕАТЫ		OUR LAUREATS
59	НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ		SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION
54, 63, 70	КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА		THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN
77	АНКЕТА «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»		THE QUESTIONNAIRE OF "VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL"
88	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		INFORMATION ABOUT AUTHORS
ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ		ANNALS OF THE REGIMENTS	
3-я стр. обл.	Девиз «Один за всех и все за одного» глубоко продуман и прочувствован каждым воронежцем. 124-й пехотный Воронежский полк The motto of "One for the all and all for the one" is thought over and felt deeply by every citizen of Voronezh. The 124-th infantry Voronezh regiment		
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ		MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
4-я стр. обл.	А.Н. ЧАБАНОВА — «Военно-исторический журнал» каждой школе города и района. Презентация специального номера журнала в Коломенском государственном педагогическом институте А.Н. ЧАБАНОВА — "Voyenno-istorichesky Zhurnal" — to every school of the town and region. Presentation of the special issue of the magazine at the Kolmna State Pedagogical Institute		

Патриарх Сербский Гавриил

Е.С. Березняк

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ
ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Основан в августе 1939 года

РЕДАКЦИЯ

**Заместитель главного редактора
(ВРИО главного редактора)**

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович,
подполковник, кандидат исторических наук

Ответственный секретарь редакции
КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич,
капитан 2 ранга, кандидат военных наук

Научные редакторы

О.Р. ДМИТРИЕВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант
в отставке, кандидат исторических наук,
профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса,
кандидат философских наук, старший
научный сотрудник;

Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса,
кандидат исторических наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга
в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, старший лейтенант;
А.Н. ЧАБАНОВА

Секретариат

М.В. ЗАБРОДИНА
(заместитель ответственного
секретаря редакции);
К.Н. АГАФОНОВА;
Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

О.К. ГРАЧЁВА, заслуженный работник
культуры РФ;
Е.С. ДАНИЛИНА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественный редактор

Т.Г. ПИМЕНОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

В.Д. НЕСТЁРКИН

Компьютерная вёрстка

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;
А.В. СОЛОМАХИН, лейтенант

Адрес для переписки: 119160,
Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д,
редакция «Военно-исторического
журнала».

тел.: (495) 693-57-45,
8-906-751-06-97;

Е-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-
исторического журнала» и «Военно-
исторический журнал. Интернет
приложение» – на главной
странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

«VOENNO-ISTORICHESKY
ZHURNAL»
MONTHLY SCIENTIFIC POPULAR
EDITION OF THE MINISTRY OF
DEFENSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION
Founded in August, 1939

Решением Президиума Высшей аттестационной
комиссии (ВАК) Министерства образования
и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
учёных степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического
архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооружённых сил — заместитель министра обороны
РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор,
кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор
исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса,
кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной
академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук,
доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами,
генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического
журнала» (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель
начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук
(Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба — председатель
Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат
политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЬЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения,
генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск,
полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный
работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-
политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ
по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской
службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов
г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского
кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических
наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной
стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке,
доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной
телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических
наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЁВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной
истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-
полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных
войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного
архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный
сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор
исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации,
доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ,
полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник
запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук,
доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов,
кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива,
кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ДЕВИЗ «ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО»
ГЛУБОКО ПРОДУМАН И ПРОЧУВСТВОВАН
КАЖДЫМ ВОРОНЕЖЦЕМ

Полковой
124-го
Воронежского полка

Знак
пехотного
полка

Эполет 124-го
пехотного
Воронежского
полка

Погон полковника
124-го пехотного
Воронежского полка
1909–1917 гг.

124^й ПЕХОТНЫЙ ВОРОНЕЖСКИЙ ПОЛКЪ

Нижние
чины
124-го
пехотного
Воронежского
полка: ротный
барabanщик
в служебной
форме, рядовой
в шинели,
младший
унтер-
офицер в
караульной
форме,
рядовой в
полной
походной
форме
1889 г.

ВНИМАНИЮ читателей
«Военно-исторического
журнала» предлагается
статья А.Г. Малова-Гра «124-й
пехотный Воронежский полк
в 1914 — 1918 гг.», основанная
на документах восьми фондов
Российского государственного
военно-исторического архива
(РГВИА), большая часть кото-
рых впервые вводится в науч-
ный оборот. Автор знакомит нас
с одной из самых ярких и драма-
тичных страниц истории этого
полка — участием в Первой миро-
вой войне.

Состав 124-го пехотного Воро-
нежского полка, многие, ранее не-
известные, имена его офицеров
и солдат, их боевые будни и под-
виги — обо всём этом читайте ста-
тью в номере.

Погон
фельдфебеля
124-го
пехотного
Воронежского
полка
1909–1917 гг.

Читайте
в
номере

Офицеры полка
1915 г.

Офицеры полка
с семьями
1913 г.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

В.В. ДЯТЛОВ — От наместничества до регионального командования. Централизация военного управления на Дальнем Востоке России

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

С.Л. ПЕЧУРОВ — «Вымученная коалиция» в Крымской (Восточной) войне 1853—1856 гг.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

С.П. ЕЛИСЕЕВ — Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

В.В. ЛУКОШНИКОВ — «Прииде рать велика русскаа...». Походы русских дружин в конце VIII—IX веке

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

В.В. БЕЛЯКОВ — Русская военная эмиграция в Египте. 1920—1980-е годы

ИЗ ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Д.А. ЖУКОВ — Л.З. Мехлис: «Вы коммунист и обязаны уметь вести пропаганду, чтобы морально обессилить противника». Советская спецпропаганда в предвоенные годы

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Д.А. БОЧИНИН — Специальная подготовка и морально-психологическое обеспечение дежурных смен управления космическими аппаратами. 1982—1990 гг.

М.Н. ЗУЕВ — К вопросу о подготовке офицеров запаса в России. Конец XIX— начало XX века

ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ

А.Г. МАЛОВ-ГРА — 124-й пехотный Воронежский полк. 1914—1918 гг.

ИСТОРИЯ ВОЙН

А.В. ШЕСТАКОВ — Участие сербского духовенства в антифашистской борьбе в 1941 году

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

Т.М. СИМОНОВА — Русские пленные в польских лагерях. 1919—1922 гг.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

Е.С. КРАВЦОВА — Освобождённые от призыва облагались прямым налогом

А.А. БУДКО, А.А. ХИТРОВ, А.Ю. ВОЛЬКОВИЧ — Деятельность Комитета о раненых в XIX — начале XX века

[ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ](#)

В.И. ЛОТА — Кто вы, майор Вихрь?

[МОЛОДЕЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»](#)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

В.М. ДОГАДИН — Моя служба в 4-м понтонном батальоне в 1906—1908 гг.

(Публикация З.Д. ЯСМАН)

[ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ](#)

Н.С. ЛЕСКОВ — Кадетский монастырь

(Публикация О.Р. ДМИТРИЕВОЙ)

[КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ](#)

С.А. КОЛОМНИН — Беседы о забытых войнах

В.Г. КИКНАДЗЕ — Символика, история и современная проблематика морской авиации

В.В. ПАРАХИН — Крылатая гвардия истребителей

[ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ](#)

[НАШИ ЛАУРЕАТЫ](#)

[НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ](#)

[КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА](#)

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

Дятлов Владимир Васильевич —

начальник ракетных войск и артиллерии Дальневосточного военного округа, генерал-майор (г. Хабаровск)

От наместничества до регионального командования. централизация военного управления на Дальнем Востоке России

Государственное руководство России к проблеме сосредоточения управленческих функций в руках единого командования на Дальневосточном театре военных действий обратилось еще в конце XIX — начале XX века. Это было обусловлено большой удаленностью Дальнего Востока от центра страны, плохим состоянием или полным отсутствием коммуникаций, сложностью природных условий, огромностью территории региона при крайней ограниченности в мобилизационных ресурсах.

К первому опыту централизации военного управления на Дальнем Востоке можно отнести создание в его пределах наместничества. Побуждающим фактором для учреждения последнего явились серьезные проблемы во взаимоотношениях России с другими державами, которые стремились ослабить ее роль и влияние на международной арене. В большой степени это касалось и взаимоотношений с Японией, особенно обострившихся после ее победы над Китаем в войне 1894—1895 гг. Быстрый успех Японии изменил соотношение сил на Дальнем Востоке, где возникла прямая угроза русским интересам. Агрессивную политику японцев поддерживали США и Англия, также стремившиеся упрочить свои экономические и военные позиции в этом регионе.

30 июля (12 августа) 1903 года для объединения деятельности всех местных ведомств на Дальнем Востоке решением царя Николая II образовалось наместничество. В него вошли Приамурское генерал-губернаторство и Квантунская область. Наместником царя на Дальнем Востоке с резиденцией в Порт-Артуре стал адмирал Е.И. Алексеев. При наместнике было сформировано два временных штаба — военный и морской. В Санкт-Петербурге для согласования деятельности наместника с центральными министерствами и ведомствами создали Особый комитет по делам Дальнего Востока¹.

Наместник обладал исключительно широкими полномочиями по управлению Дальневосточным краем. Главный начальник края, он подчинялся непосредственно царю. Однако свои решения по вопросам внешней политики, обороны Дальнего Востока он обязан был согласовывать и с Военным министерством. Из-за географической удаленности края от Санкт-Петербурга и из-за бюрократических проволочек эти согласования занимали много времени, что в последующем негативно сказалось на подготовке территории, войск и сил флота региона к войне с Японией.

Одновременно в соответствии с Положением о полевом управлении войск в военное время 1890 года наместнику предоставлялись права главнокомандующего армией и флотом на театре войны. Приказом по военному ведомству № 318 от 23 августа 1903 года был сформирован Полевой штаб наместника.

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Русско-японская война 1904—1905 гг. СПб, 1910. Т. 1. С.29.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович —

заместитель начальника Центрального военно-технического института МО РФ, генерал-майор, доктор военных наук (Москва)

«вымученная коалиция» в крымской (восточной) войне 1853—1856 гг.

Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг., развязанная против России коалицией ее Великобритании, Франции и Турции, а также примкнувшим к ним чуть позже Сардинским Королевством, — ликвидировала сложившуюся в Европе после наполеоновских войн и эффективно действовавшую до тех пор систему региональной безопасности (так называемая Венская система). По сути, Западная Европа мстила России за ее триумф в 1812—1815 годах. Санкт-Петербург, игравший ведущую роль в европейской политике и не раз выручавший союзные державы (например, Австрию, подавив в ущерб своим же, но в угоду «союзническим» интересам восстание в отделившейся было венгерской части империи), в одночасье оказался изолированным и обвиняемым во всех грехах близкими и далекими соседями в Европе. Словом, Россия получила наглядный урок западной «благодарности», который потом повторялся вновь и вновь, но так, видимо, до настоящего времени и не усвоен.

Роль главного подстрекателя в назревавшем крупнейшем за сорокалетний период кризисе играла Великобритания, стремившаяся изолировать Россию и вытеснить ее из, как полагали в Лондоне, регионов реального и потенциального британского влияния — Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Париж восточные вопросы интересовали меньше, но, поскольку узурпировавшему власть во Франции и самопровозглашенному императору Наполеону III не удалось втянуть Санкт-Петербург в двусторонний союз, его целью являлось прежде всего ослабление влияния Российской Империи. Да и было важно добиться реванша за позор наполеоновской катастрофы. Османской же империи («большому человеку Европы», как называл ее Николай I) при всем при этом скорее отводилась роль катализатора конфликта, нежели (поначалу) принималась в расчет ее военная мощь, ибо почти во всех предыдущих многочисленных войнах с Россией турки неизменно терпели крупные военные поражения. Даже несмотря на то, что под руководством прусских офицеров и лично фон Мольтке с конца 30-х годов XIX века в османской армии осуществлялась военная реформа, турецкие войска к началу назревавшей войны так и не были реорганизованы и доведены до уровня европейских. Сардинское участие в предстоящей кампании вообще было скорее номинальным и объяснялось стремлением правителей марионеточного королевства заручиться поддержкой Франции в региональном конфликте интересов на Апеннинах. Со временем разные направления политики двух ведущих держав коалиции — Великобритании и Франции — неоднократно вызвали разногласия между союзниками, приводившие к серьезным издержкам практически во всех областях так называемого военного сотрудничества. Например, подобное наблюдалось при решении главного вопроса всей войны — о приоритете действий в Юго-Восточной Европе, когда французы настаивали на первоначальном «наведении порядка» на Балканах, а затем уже, если будет необходимо, на нанесении удара по Крыму путем наступления вдоль Черноморского побережья. Лондон же был заинтересован в скорейшей высадке объединенных сил в Крыму и взятии Севастополя как символа российской военной мощи на юге. Мнение же Константинополя если и бралось в расчет, то лишь под углом зрения эгоистических интересов обоих лидеров этой «вымученной коалиции». <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Елисеев Сергей Павлович —

старший преподаватель Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского, полковник запаса, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

Развитие авиации русской армии В Первой мировой войне

С началом Первой мировой войны на театре военных действий (ТВД) российская военная авиация разделилась на две основные составляющие: авиацию действующей армии и ближний авиационный тыл. Это было обусловлено логикой ведения войны, сводящейся к формуле: авиационные части, приданные штабам, действуют на фронте, а ближний авиационный тыл обеспечивает их в материально-техническом отношении.

При довоенном формировании авиаотрядов ввиду активной наступательной доктрины русского Генерального штаба, в соответствии с которой корпуса должны были играть главную роль в маневренной войне, приоритет отдавался корпусной авиации. Армейский корпус в 1914 году представлял собой «высшее соединение всех родов войск в требуемом взаимном тактическом отношении для самостоятельной деятельности на войне»¹. Почти все войска накануне войны входили в состав 36 корпусов, каждому из которых стремились придать по одному авиаотряду. Основные типы имевшихся на вооружении самолетов (Ньюпор-4 и Фарман-16) могли осуществлять разведку на глубину до 60 км, что для корпуса считалось достаточным. Разведку же в интересах армии и фронта должны были вести дирижабли. Определенные надежды в этом плане возлагались и на появившиеся перед самой войной тяжелые самолеты «Илья Муромец».

К 19 июля 1914 года* (начало войны) в распоряжении военного ведомства были 1 полевой, 30 корпусных и 8 крепостных авиаотрядов. Полевой отряд находился при штабе 3-й армии Юго-Западного фронта (ЮЗФ), корпусные отряды прибыли на ТВД согласно плану развертывания армий к началу августа 1914 года, а крепостные отряды оставались пока при крепостях².

Оторванные от своих авиарот, авиаотряды оказались в сложном положении, так как авиация в русской армии была технической новинкой, требующей новых форм управления, применения и обеспечения. По признанию Главного управления Генерального штаба (ГУ ГШ), война застала авиацию «в периоде неполной организованности»: авиачасти были на 24 проц. неукомплектованы летчиками, авиаотряды не имели второго комплекта самолетов³, в войсках не знали своих летательных аппаратов. Последнее обстоятельство приводило иногда к их обстрелу русской пехотой⁴.

Снабжение авиаотрядов и их полевой ремонт отработаны не были, что уже в августе 1914 года повлекло за собой резкое уменьшение числа исправных самолетов в отрядах. Изношенность авиатехники и недостаточная подготовка технического состава усиливали этот фактор⁵.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 3. С. 37.

2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 612. Л. 18.

3 Липицкий С.В. Русская авиация накануне первой мировой войны // Вестник воздушного флота. 1952. № 4. С. 71.

4 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 616. Л. 150.

5 Там же. Ф. 493. Оп. 2. Д. 16. Л. 207.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

Лукошников Виктор Владимирович —

главный бухгалтер Ленского филиала САО «Росгосстрах-Архангельск» (с. Яренск Архангельской обл.)

«прииде рать велика русскаа...». Походы русских дружин в конце VIII—IX веке

Киевская Русь IX века была всецело занята своими внутренними проблемами (объединение восточнославянских племен) и незаметными для других внешнеполитическими задачами (борьба против Степи). Когда Русь окрепла и начала совершать походы на своих соседей, то она стала упоминаться в письменных источниках. Русский летописец, опираясь на византийские хроники, начал датированную часть своей летописи тогда, когда греческие историки впервые упомянули русское государство — с похода русского войска на Константинополь в 860 году: «...когда начал царствовать Михаил*, стала прозываться Русская земля... ибо при этом царе приходила Русь на Цареград, как пишется в летописаньи греческом. Поэтому отсюда начнем и числа положим»¹.

Это был не первый поход войска Киевской Руси, но первый, о котором записал русский летописец. Первый же поход, известие о котором дошло до нас, был совершен еще в конце VIII века и упоминается он в «Житии Стефана Сурожского» (умер в 787 г.). Этот святой долгое время служил архиепископом в византийском городе Суроже в Крыму. При описании одного из чудес, совершенных Стефаном, рассказывается о русском нападении на византийские владения в Крыму: «По смерти же святого (Стефана) мало лет минуу, прииде рать велика русскаа из Новаграда. Князь Бравлин силен зело»². Разорив все земли

«от Корсуня до Корчева» (от Херсона до Керчи), русское войско подошло к Сурожу (Судаку) и после десятидневной осады, проломив железные ворота, штурмом овладело городом. Сам князь ворвался в местную Софийскую церковь, чтобы ограбить ее, но «в том же часе разболелся — обратился лице его назад, и лежа пены почаше»³. Исцелился русский князь только после того, как по внушению уже умершего Стефана вернул все церковные ценности и крестился сам. Причем указывается, что крестил его архиепископ Филарет, преемник все того же святого. Кроме князя Бравлина крестились все его бояре и были отпущены все греческие пленники. Несмотря на явно фантастический характер по части сообщения этого чуда, большинство историков соглашаются, что сам факт нападения русской дружины на крымские владения Византии, несомненно, был. Расшифровывая выражение «мало лет минуоу», историки полагают, что этот поход состоялся около 790 года. Вопрос заключается только в его итогах.

Историк А.Н. Сахаров, исследовав перипетии этого похода, приходит к выводу, что в Суроже был заключен русско-византийский мирный договор⁴. Правда, в «Житии» указаны только условия русской стороны: вывод воинов из города, возвращение греческих пленных и награбленных церковных богатств. Условием греков, как полагает А.Н. Сахаров, стало крещение князя Бравлина самим архиепископом Сурожским, что возвышало русского князя не только в глазах своих соплеменников, но и среди соседей Руси, которые, без сомнения, уважительно относились к мощи Византийской империи⁵.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Материалы по истории СССР. 1 выпуск. М.: Высшая школа, 1985. С. 277.

2 Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки Древней Руси. М.: Вече, 2000. С. 300.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 612. Л. 18.

3 Там же.

4 Сахаров А.Н. Мы от рода русского, Л.: Лениздат, 1986. С.40.

5 Там же. С. 42—46.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Беляков Владимир Владимирович —

старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор кафедры геополитики Военного университета МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕГИПТЕ. 1920—1980-е годы

Остатки последнего контрреволюционного воинского формирования на европейской части России — Русской армии под командованием генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля были эвакуированы из Крыма в Турцию в ноябре 1920 года. Расквартированные в Галлиполи, они впоследствии составили костяк русской военной эмиграции. Но еще до этого были и другие, менее значительные количественно, группы военнослужащих белых армий, покинувшие Россию.

Одну из таких групп — в общей сложности 4350 человек — эвакуировали англичане из Новороссийска на пяти пароходах накануне капитуляции там войск генерал-лейтенанта А.И. Деникина 27 марта 1920 года. Подавляющее большинство эвакуированных составляли больные и раненые военнослужащие, сопровождаемые персоналом госпиталей. Их доставили в Египет, бывший в ту пору британским протекторатом, затем в Александрию, а после прохождения карантина направили в лагерь беженцев в Телль аль-Кебуре, между Каиром и Исмаилией. Часть эвакуированных англичане разместили в лагере-госпитале в Аббасии, на окраине Каира. С лета 1920 года начался перевод русских беженцев в другой лагерь, в Сиди Бишр, что находился в восточном пригороде Александрии.

В Аббасии беженцы жили в бараках по 50—60 человек в каждом и в палатках по 10—20 человек. В одной из палаток была устроена походная церковь. Необходимые церковные предметы дала поначалу православная Александрийская патриархия, а в апреле прислала некоторые предметы и Русская духовная миссия в Иерусалиме. По мере выздоровления больных и раненых русских беженцев отправляли из Аббасии в более просторный лагерь в Телль аль-Кебуре. В начале мая 1920 года лагерь в Аббасии ликвидировали. Около пятисот оставшихся там больных разместили в госпитальной части лагеря в Телль аль-Кебуре, а 70 человек, нуждавшихся в более серьезном лечении, — в различных иностранных больницах Каира¹. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 193. Л. 8, 51 об., 58; Д. 194. Л. 28, 28 об.

ИЗ ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

ЖУКОВ Дмитрий Александрович —

инспектор по особым поручениям отдела организации информационно-пропагандистской работы МВД России, капитан внутренней службы (Москва)

л.з. мехлис: «вы коммунист и обязаны уметь вести пропаганду, чтобы морально обессилить противника».

Советская спецпропаганда в предвоенные годы

Военно-политическая обстановка, сложившаяся вблизи границ СССР в предвоенные годы, настоятельно потребовала организации в составе Красной армии специальной службы, ответственной за ведение пропаганды среди войск и населения возможного противника.

К этому времени определенный опыт ведения спецпропаганды у РККА уже имелся. Самые первые штатные органы для идейного разложения противной стороны – агентурные отделения – были созданы еще 13 декабря 1919 года в штабах Западного фронта и армий, входивших в его состав. В сентябре 1920 года эти отделения были преобразованы в отделы, однако при сокращении РККА в начале 1921 года они были упразднены, а кадры утрачены¹.

О необходимости спецпропаганды вновь заговорили летом 1938 года в ходе событий у озера Хасан. Л.З. Мехлис, возглавлявший тогда Политическое управление РККА (ПУРККА), потребовал от начальника разведотдела штаба Приморской группы войск Б.Г. Сапожникова составить листовку-обращение к «японским солдатам, рабочим и крестьянам», дабы рассказать последним, что они «воюют за чужое им дело японских эксплуататоров, против рабочих и крестьян Советской России», и призвать их сложить оружие и уйти с нашей территории. О том, что у разведки задачи, мягко говоря, несколько иные, чем составление листовок, начальник ПУРККА и слышать не хотел. «Вы коммунист и обязаны уметь вести пропаганду, чтобы морально обессилить противника»², — заявил он Сапожникову.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1Репко С.И. Цена иллюзий: пропаганда на войска и население противника в первые месяцы войны. // Воен.-истор. журнал. 1992. № 11. С. 8.

2Цит. по: Невежин В. «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М., 2007. С. 118.

Воинское обучение и воспитание

Бочинин Дмитрий Анатольевич —

преподаватель Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, подполковник запаса (Санкт-Петербург)

СПЕЦИАЛЬНАЯ подготовка И МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЖУРНЫХ СМЕН управления космическими аппаратами. 1982—1990 гг.

Особый интерес как у исследователей, так и у широкого круга читателей вызывает история космонавтики, в частности ее военный аспект. И это вполне понятно, ведь Космические силы страны представляют собой, о чем свидетельствуют официальные источники, специальные воинские формирования, предназначенные для сдерживания агрессии вероятного противника в космосе и из космоса, недопущения завоевания превосходства в стратегической космической зоне, применения космических комплексов и космических систем различного назначения (см.: Военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1999. Т. 4. С. 227).

Особая задача возлагается на специалистов космических сил, осуществляющих слежение за околоземными спутниками и долговременными орбитальными станциями. Они несут вахту в составе дежурных смен командно-измерительных комплексов, подчиненных Главному испытательному центру испытаний и управления космическими средствами имени Г.С.Титова, размещенных по всей территории страны. До недавнего времени их работа держалась в строгом секрете, хотя и вызывала большой интерес у историков. О том, как в 80-е годы XX столетия, т.е. в период наиболее интенсивного развития отечественных военно-космических сил, строилась и совершенствовалась подготовка этих специалистов, и идет речь в предлагаемой читателям статье, написанной на основе малодоступных материалов и документов, а также личном опыте ее автора, приобретенном во время службы в космических частях.

Отечественная орбитальная группировка в 80-х годах прошлого века насчитывала почти 200 космических аппаратов (КА), из которых до полутора сотен использовались в интересах Министерства обороны. Эти космические средства решали задачи предупреждения о ракетном нападении, разведки, контроля за соблюдением договоров по ограничениям стратегических и обычных вооружений, стратегической связи и боевого управления, включая президентскую связь, навигации, гидрометеорологического и топогеодезического обеспечения действий вооруженных сил¹.

Управление КА начиналось с момента вывода его на орбиту и заключалось в формировании и реализации управляющих воздействий на бортовые устройства аппарата в целях обеспечения движения по заданной траектории и функционирования бортовой аппаратуры в соответствии с программой полета². <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1Красная звезда. 11 апреля. 2007.

2Наставление по применению Военно-космических сил. М.: Воениздат, 1989. С. 71.

зубев Михаил Николаевич —

старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ (Москва)

К вопросу о подготовке офицеров запаса в России. конец XIX — начало XX века

Одним из важнейших направлений деятельности Военного министерства по повышению обороноспособности государства и усилению боеспособности русской армии на случай

развертывания войны против России в конце XIX — начале XX века являлось накопление резерва офицеров запаса. Этот резерв создавался прежде всего из кадровых офицеров, уволенных из армии по различным причинам. Выход в отставку, а с 1882 года зачисление в запас и переход в другие ведомства являлись главными причинами убыли действующих офицеров.

В запас увольнялись почти исключительно обер-офицеры, которые не могли уйти в отставку за невыслугой лет для пенсии. Например, в 1907 году из 856 уволенных в запас 828 были обер-офицерами¹. К сожалению, большой процент офицеров запаса состоял «из лиц, ушедших со службы по принуждению или вследствие поступков, недостойных офицерского звания»².

Начался процесс накопления офицеров запаса, и большая часть их «попадала в запас из частей войск с надежной подготовкой»³. Например, призванные в 1888 году на учебные сборы офицеры запаса по военному образованию распределялись так: «выпущенные из кадетского корпуса — 1, из военных училищ — 6, из юнкерского училища — 34, произведены за военные отличия — 3, произведены по выдержании выпускного экзамена (кончившие курс в университетах — 2 и Лазаревском институте — 1) — 3; итого 47 офицеров»⁴. Значительная часть офицеров запаса при мобилизации назначалась на должности младших офицеров, тем не менее и в этой роли на них возлагались весьма важные и ответственные задачи по обучению рядовых и унтер-офицеров, призывавшихся из запаса. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Режепо П.А. Офицерский вопрос. СПб., 1909. С. 15.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 868. Оп. 1. Д. 714. Л. 678 об.

ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ

Малов-Гра Андрей Геннадьевич —

заместитель директора школы № 610 (Москва)

124-й пехотный Воронежский полк. 1914—1918 гг.

Вопрос участия отдельных воинских частей российской армии в Первой мировой войне 1914—1918 гг. разработан недостаточно. Автор предлагаемой вашему вниманию статьи сделал попытку описать боевой путь 124-го пехотного Воронежского полка по материалам, основу которых составили документы восьми архивных фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Большая часть из них вводится в научный оборот впервые.

К началу Первой мировой войны 124-й пехотный Воронежский полк квартировал в городе Харькове и входил во 2-ю бригаду 31-й пехотной дивизии X армейского корпуса в составе Киевского военного округа. Для подготовки во время боевых действий обученного резерва на месте формирования полка оставался пехотный запасной батальон. В мирное время в полку были 19 офицеров, 1 классный чин и 262 нижних чина, которые с началом войны служили «кадром» будущего полка второй очереди.

124-й пехотный Воронежский полк служил базой для формирования второочередного 276-го пехотного Купянского (будущая 69-я дивизия, XXXVIII армейский корпус) и 31-го пехотного запасного батальона (затем полка).

Период истории 124-го пехотного Воронежского полка с 1906 по 1915 год связан с именем его командира — Евгения Васильевича Энвальда. Он был потомком шведского офицера, перешедшего после Полтавы на службу к Петру Великому. По воспоминаниям его жены Варвары Верженской-Энвальд, Евгений Васильевич был «отцом полка». На Рождество, Пасху, а также на день ангела командир приглашал к себе на обед всех холостых офицеров. Часто они становились почти частью его семьи. На свое жалованье он нанимал большую квартиру, со столовой на 25 человек, как минимум. Не обладая, как и подавляющее большинство служилого русского дворянства, ни имениями, ни капиталами, ни домами, Евгений Васильевич на свои деньги содержал денщиков, повара, кучера и даже шофера. Характерная деталь — полковник Энвальд запрещал своим детям обращаться к солдатам на «ты».

Евгений Васильевич был заботливым командиром. К примеру, ежедневно он ходил в солдатскую столовую и садился каждый день за другой стол, чтобы проверить, какую пищу дают солдатам. Он ел вместе с ними, чтобы снять пробу еды, и, особенно, чтобы не было ничего подгорелого. В полку даже имелись особые медные котлы, с двойным дном, с глицерином. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ИСТОРИЯ ВОЙН

Шестаков Андрей Владимирович —

преподаватель Сретенской духовной семинарии (Москва)

Участие сербского духовенства в антифашистской борьбе в 1941 году

История антифашистского сопротивления и народно-освободительной борьбы против немецко-фашистских захватчиков на территории Югославии в годы Второй мировой войны достаточно подробно освещена в отечественной и югославской историографии. Однако в советский период большинство югославских авторов уделяло основное внимание роли коммунистической партии в этой борьбе. Фактически имело место несколько одностороннее понимание этого процесса, многие значительные исторические фигуры отодвигались на задний план или намеренно предавались забвению. Отечественная историография в этом отношении, к сожалению, чаще всего шла следом за

историографией югославской. В настоящее время знакомство с опубликованными за последние годы документами и мемуарами позволяет несколько по-новому взглянуть на события Второй мировой войны. Одной из малоизученных и актуальных тем по-прежнему является вопрос о роли Сербской православной церкви в событиях Второй мировой войны на Балканах. До сих пор, например, практически не освещен факт ареста Патриарха Гавриила немцами в 1941 году, в то время как Сербский Патриарх стал единственным церковным деятелем столь высокого ранга в восточной Европе, который подвергся аресту, суду, продолжительному заключению и отправке в концлагерь Дахау. Совершенно очевидно, что для этого должны были быть какие-то особые основания, и изучение архивных материалов и мемуаров позволяет сказать, что они действительно были.

Обратимся, однако, к исторической канве событий. 6 апреля 1941 года после начала воздушных налетов авиации вермахта на Белград патриарх покинул столицу и направился вслед за эвакуирующимся на юг страны правительством¹. Встретившись по дороге с некоторыми государственными деятелями, он прибыл 10 апреля в монастырь Острог. 14 апреля сюда же прибыл король Петр II в сопровождении министра двора Кнежевича. Поскольку в стране сложилось критическое положение патриарх посоветовал им обоим срочно покинуть Югославию, что они и сделали, отправившись самолетом в Грецию.

После того как 17 апреля была подписана капитуляция югославской армии, патриарх продолжал оставаться в Остроге, намереваясь в скором времени вернуться в Белград, но 23 апреля в монастырь нагрянули немцы. Ворвавшиеся к патриарху солдаты сообщили, что он арестован по личному приказу Гитлера как военный преступник. Арест сопровождался угрозами и оскорблениями, при обыске монастыря немцы жестоко избили шефа патриаршего кабинета Душана Дожича, а самому патриарху пришлось провести 6 часов под снегом и дождем².

Через полтора дня патриарх был доставлен в Сараево, где его поместили в занятой немцами школе. Вскоре сюда же прибыли члены немецкого военного трибунала — подполковник и два майора — с целью допросить патриарха. Однако в первый день допроса не получилось: патриарх отказался отвечать на вопросы стоя и просил задавать их на французском языке. Несмотря на угрозы, он остался непоколебим в своих требованиях, и членам трибунала пришлось удалиться. На следующий день, 26 апреля, полковник зачитал патриарху обвинение по-французски. Он был объявлен главным военным преступником и виновником вступления Югославии в войну против стран «оси». Немецкий офицер сообщил, что имеет приказ верховного главнокомандующего допросить патриарха о его «преступной деятельности и сообщить о ней высшему военному суду для вынесения справедливого приговора»³. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мемоари Патријарха Српског Гаврила. Београд, 1990. С. 277.

² Там же. С. 291, 292.

³ Там же.

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

Симонова Татьяна Михайловна — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

Русские пленные в польских лагерях. 1919—1922 гг.

История непростых отношений двух близких по языку и культуре славянских народов Восточной Европы — поляков и русских — насчитывает более тысячелетия с момента оформления их государственности в IX—X вв. После Февральской революции 1917 года в России Временное правительство 17(30) марта заявило, что все польские земли будут объединены в составе независимой Польши: позже Советская Россия декретом от 29 августа 1918 года объявила недействительными все договоры о разделе Польши, заключенные бывшей Российской Империей. В ноябре того же года была провозглашена независимость Польши. Однако ее правительство вместо установления добрососедских отношений с РСФСР встало на путь открытой конфронтации.

Формально Польша не объявляла России войны. Она возникла в результате столкновений Войска Польского с РККА после установления Советской власти в Белоруссии и на Украине. Первое боевое столкновение произошло в Березе-Картузской в 80 км от Брест-Литовска 13 февраля 1919 года. Боевые действия длились 20 месяцев, до 18 октября 1920 года. Советско-польская война стала тяжелым испытанием для обеих стран. Но наибольшие трудности выпали на долю мирных жителей. В оккупированных районах Украины захватчики грабили население, сжигали целые деревни, расстреливали и вешали ни в чем неповинных граждан. В городе Ровно оккупанты расстреляли более 3 тыс. мирных жителей¹. В местечке Тетиево во время еврейского погрома были вырезаны 4 тыс. человек². Власти России и Украины 29 мая 1920 года вынуждены были обратиться к правительствам Англии, Франции, США и Италии со специальной нотой, в которой выражали протест против бесчинств польских захватчиков³.

Наибольшую тяжесть войны, несомненно, вынесли на себе военнопленные. Уже в ходе военных действий взятых в плен красноармейцев поляки подвергали пыткам и издевательствам⁴. Так, польская сторона ввела практику расстрелов без суда и следствия из чувства мести и расового пренебрежения. Приказы о расстрелах, в частности, отдавал будущий начальник генштаба и военный министр Польши, в период боевых действий — командующий 5-й польской армией генерал В. Сикорский. Командование 3-й армии отдало подчиненным частям секретный приказ о применении репрессий в отношении вновь взятых пленных. Документально зафиксирован факт расстрела солдатами польского 49-го пехотного полка 24 августа 1920 года в районе Хожеле 200 пленных красноармейцев 3-го конного корпуса. Это деяние было совершено из мести, в предполагаемом пункте якобы проведенной ранее «экзекуции польских солдат»⁵. Аналогичных фактов насилия над советскими военнопленными было много.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Мельтюхов М. Советско-польские войны. 2-е изд. М., 2004. С.69.

2 Там же.

3 Михутина И.В. Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994. С. 157, 158.

4 Нота полномочного представительства РСФСР польскому правительству от 12 августа 1921 г. См.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 4. Оп. 32. Пор. 52655. П. 216. Л.42—48.

5 Оперативная сводка командования 5-й армии Войска Польского о расстреле 200 военнопленных красноармейцев 24 августа 1920 г. См.: J. Kumaniecki. Pokoj polsko-radziecki. Warszawa, 1985. S. 130.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

Кравцова Елена Сергеевна —

старший преподаватель кафедры философии Курского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук (г. Курск)

ОСВОБОЖДЁННЫЕ ОТ ПРИЗЫВА ОБЛАГАЛИСЬ ПРЯМЫМ НАЛОГОМ

В последнее время российское общественное мнение озадачено злободневным вопросом: вводить ли военный налог в стране? Не исключено, что кто-то посчитает возникшую не на пустом месте проблему надуманной. И все же в скором времени на этот непростой вопрос предстоит ответить и правительству, и общественности, поскольку он связан с насущной задачей по профессионализации армии, а следовательно и с дальнейшим укреплением обороноспособности страны. В этой связи крайне важно учитывать исторические уроки реализации военного налога в дореволюционной России, что и отражено в данном исследовании*.

Для Российской Империи военные сборы не новшество. Еще при Иване Грозном были случаи замены воинской повинности денежными выплатами. При Николае I и Александре II также существовали различные платежи на военные нужды.

Впервые вопрос о введении военного налога в России был поставлен в 1883 году с целью осуществлять выплаты военным, находящимся в отставке. Но указанная инициатива не нашла поддержки у Министерства финансов, которое в свою очередь выдвинуло в 1902 году предложение о единовременном налоге в размере 3 рублей с каждого призванного. Но и эта инициатива не получила одобрения, на этот раз — у Государственного Совета. В итоге к 1911 году новые проекты оказались отклонены.

Летом 1914 года Россия вступила в тяжелое и затяжное вооруженное противостояние, невиданное ранее по своим масштабам и последствиям. Объявление войны с австро-

германской коалицией вызвало в русском обществе сильный, но кратковременный патриотический подъем, сменившийся в условиях обостренной революционной пропаганды, острого недостатка вооружений и растущих экономических трудностей всеобщим недовольством. В этой сложнейшей обстановке вновь на повестку дня стал вопрос о введении новых налогов, так как каждый день кампании обходился правительству в 3 млн рублей¹. Председатель Государственной Думы четвертого созыва М.В. Родзянко в 1915 году по этому поводу писал так: «Положение в стране ухудшилось. Спекуляции, взятки, бешеное обогащение ловких людей — все это достигало невероятных размеров. Одновременно возрастала дороговизна в городах»². А ведь ситуация усложнялась с каждым годом продолжающейся войны, в результате чего Московская городская дума вынуждена была заявить о возрастании к январю 1917-го цен на продовольственные товары в несколько раз³.

Исходя из возрастающих трудностей, российское правительство отмечало: «Настоящая война требует от России, как и от всех вовлеченных в нее государств, огромных затрат на удовлетворение многообразных военных нужд. Но и после восстановления мирных условий жизни в течение ряда ближайших после войны лет будет неизбежно, с большей или меньшей силой, сказываться пораженная войной финансовая система»⁴.

Вначале правительство пошло по одному из самых простых путей решения проблемы: увеличению ставок существующих прямых сборов. Были разработаны и частично приняты положения: «1) о подоходном налоге; 2) об изменении расписаний по губерниям оклада государственного поземельного налога; 3) о пересмотре Положения о государственном налоге с недвижимых имуществ; 4) о пересмотре Положения о государственном промысловом налоге»⁵. Всего насчитывалось 11 предложений. Однако финансовые трудности войны вынудили правительство ввести и ряд новых косвенных налогов: «с перевозимых по железной дороге грузов пассажирских, большой и малой скорости»⁶, налог на чай, различные виды вин, с билетов на увеселительные зрелища и т.д.

Обсуждение вопроса о введении военного сбора происходило с первых месяцев войны. Так, 29 августа 1914 года состоялось расширенное заседание Государственного Совета с участием представителей Министерства финансов по обсуждению предложенного проекта временного военного налога.

На Совещании было признано, что проект Минфина, предусматривающий обложение (6 руб. в год) не подлежащих мобилизации лиц последних четырех призывных возрастов в качестве компенсации за отбывание воинской повинности вызывает сомнения. Например, проектное положение могло дать незначительные результаты, которые исчислялись в сумме 13 млн рублей, в то время как налоговая ставка не соответствовала платежеспособности отдельных лиц. Она имела единый размер для обложения налогоплательщиков без учета их доходов и состояния. «Основной недостаток проекта, — отмечали многие его противники, — возложение на более состоятельные классы такого же налога, что и на малоимущие». В связи с этим предлагалось принять поправку, заключающуюся в установлении различных ставок налога в зависимости от разряда льготы лица, освобожденного от воинской повинности. Так, лица, не привлекающиеся к воинской службе по физической непригодности, должны быть обложены ниже, нежели освобожденные по семейному положению. Данное предложение так же не встретило необходимой поддержки⁷. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 41.

2 Родзянко М.В. Крушение империи. М., 1992. С. 140.

3 Известия Московской городской думы. Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. 1917 г. №1 (январь) М., 1917. С. 11—15.

4 К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы. СПб., 1915. С. 1.

5 Там же. С. 3.

6 См.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 39—47.

7 Российский Государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1194. Л. 1.

Будко Анатолий Андреевич —

начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Хитров Алексей Анатольевич —

доцент кафедры истории Калининградского государственного технического университета, кандидат исторических наук (г. Калининград)

Волькович Анна Юрьевна —

старший научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ, кандидат культурологии (Санкт-Петербург)

деятельность КОМИТЕТА О РАНЕННЫХ В XIX — начале XX века

Офицерский корпус русской армии формировался из дворянства как потомственного, так и выслужившегося из других сословий. Сословные ограничения при приеме в военно-учебные заведения, окончание которых давало офицерский чин, были отменены только в 1913 году. Но само по себе обладание чином и дворянским титулом не всегда гарантировало постоянный материальный достаток. Поместья и капиталы имелись далеко не у всех дворян-офицеров. Исторически сложившаяся система вознаграждения дворянства за службу землей и крестьянами уже в XVIII столетии по разным социально-экономическим причинам не обеспечивала существование мелкопоместного дворянства, из которого в основном и комплектовался офицерский корпус. Многие дворяне жили

только службой. Пенсионное обеспечение отставных офицеров, которое начало вводиться в конце XVIII — начале XIX столетия, тоже не гарантировало достатка. Получение «пенсии» и его размер зависели от чина, выслуги лет, обстоятельств выхода в отставку, благорасположения начальства и других факторов. Практически все, кто служил не на «паркете», а в войсках, имели раны, увечья и болезни, полученные на службе. Многие отставные офицеры содержали семью. Все это требовало расходов, которые не покрывались пенсией, если она и была. Устроиться на доходное место на гражданской службе удавалось не многим. В более сложном положении оказывались уволенные со службы солдаты и унтер-офицеры. Возраст, раны и болезни не позволяли им обеспечивать физическим трудом себя и свои семьи. Заниматься какой-либо другой деятельностью они не могли из-за отсутствия профессии, образования и средств, а доступ к гражданской службе для отставных нижних чинов был закрыт по сословному происхождению. Поэтому нередко отставные воинские чины, главным образом солдаты и унтер-офицеры, вынуждены были прибегать к помощи благотворительных учреждений.

Специальное благотворительное ведомство для оказания социальной помощи отставным воинским чинам было создано после Отечественной войны 1812 года. В годовщину победоносного для русских сражения при Кульме (17—18 августа 1813 г.) был учрежден «Комитет, высочайше утвержденный 18 августа 1814 года». В 1840 году он получил наименование «Комитет о раненых», а в 1877 году по случаю столетия со дня рождения императора Александра I был назван «Александровским комитетом о раненых».

В высочайшем приказе по армии от 18 августа 1814 года назывались цель и задачи комитета: «...геройские подвиги ваши всегда обращали внимание мое; дабы вяще ознаменовать оные, и в особенности день 18 августа, Я отверзаю ныне путь, удобнейший всем увечным в последнюю, незабвенную по громким делам своим, войну. Генералам, штаб- и обер-офицерам, как вышедшим уже в отставку, так и тем, кои от ран и увечьев в войну сию оставят впредь службу и не имеющим другаго состояния, кроме определенного при отставке пенсия, прибегать во всех нуждах своих ко мне...»¹. Следует отметить, что комитет первоначально предназначался для организации помощи исключительно получившим увечья офицерам и генералам.

По повелению Александра I в состав комитета вошли пять генерал-адъютантов: Павел Васильевич Голенищев-Кутузов (1772—1843), Арсений Андреевич Закревский (1783—1865), Николай Мартынович Сипягин (1785—1828), Павел Александрович Строганов (1772—1817) и Федор Петрович Уваров (1773—1824). Каждый из них отличился в годы Наполеоновских войн (1799—1804, 1804—1814, 1815) и в дальнейшем занимал заметное должностное положение.

Первоначально комитет не считался государственным учреждением, а лишь «состоял» при Военном министерстве и действовал как благотворительная организация. Такой порядок был обусловлен общим подходом государства к вопросам социальной политики.

Основу финансовых средств комитета составили 395 тыс. рублей, собранных основателем и первым издателем газеты «Русский инвалид» П.П. Пезаровиусом. Указом Александра I от 21 декабря 1815 года эту сумму в качестве «инвалидного капитала» передали комитету. Тогда же на попечение последнего были взяты 1200 раненых нижних чинов, получивших пособия из этого капитала². Именно с 1815 года деятельность комитета направлялась на помощь пострадавшим воинам.

Газета «Русский инвалид» с 1816 года стала официальным органом Комитета о раненых. Позже к упомянутому капиталу были добавлены 294 173 рубля, хранившиеся в Комиссариатском департаменте Военного министерства, занимавшемся обеспечением военнотружущих вещей и денежным довольствием, организацией госпиталей и тому подобным. В дальнейшем средства комитета пополнялись главным образом за счет благотворительных пожертвований, а также за счет вычетов за ордена и медали, аренды, пожалованные ссуды и поместья и т.д. В пользу комитета поступало и жалованье императора Александра I как шефа лейб-гвардии Преображенского полка. В 1825 году средства Комитета о раненых составляли уже 6 057 610 рублей ассигнациями³. Членами комитета в первой половине XIX века становились лица, имевшие чин генерал-адъютанта свиты его императорского величества. Со второй половины XIX столетия в него входили известные боевые генералы и адмиралы. Возглавлял комитет председатель (должность введена в 1827 г.). До этого комитет фактически возглавлял председатель Военного департамента Государственного совета А.А. Аракчеев.

С 1815 года комитет начал оказывать помощь нижним чинам. В царствование Александра I под покровительство этой организации принимались только отставные нижние чины, раненные на войне, а правила 12 декабря 1829 года распространили его и на числившихся в инвалидных командах, и престарелых и неизлечимо больных отставных нижних чинов, не способных содержать себя собственным трудом⁴. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Т. XXXII (1812—1814) № 25642.

2 Александровский комитет о раненых // Военная энциклопедия. М., 1998. Т. 1. С. 255.

3 Там же.

4 Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в 18 — начале 20 века // Вестник ВГУ. Сер: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 228.

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

ЛОТА Владимир Иванович —

кандидат исторических наук, доцент (Москва)

КТО ВЫ, МАЙОР ВИХРЬ?

В 2007 году, накануне Дня Победы Президент России Владимир Путин подписал указы о награждении двух бывших разведчиков высокими государственными наградами: Алексей Николаевич Ботян удостоен звания Героя России, а Евгений Степанович Березняк, гражданин Украины, ордена «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени.

В поздравительной телеграмме Евгению Березняку президент отметил:

«...Ваш жизненный путь, героическая фронтовая биография заслуживают самого глубокого уважения. Во многом благодаря Вашему личному мужеству, а также смелости и отваге Ваших боевых товарищей по разведгруппе «Голос» была разгромлена краковская группировка противника и спасен от разрушения один из древнейших и самых красивых городов Польши».

Публикуем подлинные факты о деятельности Евгения Березняка по спасению в 1944 году польского г. Кракова.

16 апреля 1965 года начальник ГРУ генерал-полковник П.И. Ивашутин докладывал министру обороны Маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому: «19 августа 1944 года по заданию разведывательного отдела штаба 1-го Украинского фронта была выброшена в тыл противника в район г. Краков (Польша) и активно действовала по 23 января 1945 года разведывательная группа «Голос» в составе командира группы рядового (ныне — капитана запаса) Березняка Евгения Степановича, помощника командира группы лейтенанта (ныне капитана запаса) Шаповалова Алексея Трофимовича и радистки — младшего сержанта Жуковой Аси Федоровны (ныне — старший лейтенант медицинской службы Церетели А.Ф.)»¹.

Прежде чем поручить Березняку выполнение особого задания, военная разведка направила его на обучение в специальную школу Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Курсант Евгений Березняк учился прилежно. Впрочем, к любому серьезному делу, за которое когда-либо брался этот человек сам или которое ему поручалось, он всегда относился серьезно и стремился добиться максимальных результатов. В разведывательной школе Березняка научили стрелять без промаха из пистолетов и автоматов разных систем, ходить в лесу по азимуту, прыгать с парашютом, выявлять слежку и «отрываться» от агентов контрразведки. Будущий резидент освоил шифровку радиogramм, передачу информации через тайники, изучил историю вермахта, организацию его частей и подразделений, вооружение, знаки отличия рядового и офицерского состава. В качестве «дипломной работы» по поддельным документам он легализовался в Москве, устроился на папиросную фабрику «Дукат», проработал там две недели, узнал, в какие воинские части и в каком количестве отгружали папиросы и табак. Таким образом выпускные экзамены Березняк сдал на «отлично».

В июле 1944 года Березняка направили в распоряжение разведывательного отдела штаба 1-го Украинского фронта, который находился в городе Проскуров, ныне — Хмельницкий (Украина). Здесь он прошел дополнительную подготовку как руководитель разведывательной группы, которую предполагалось забросить в оккупированный Львов, где он работал до войны. Для Березняка, учитывая его знакомства во Львове, было разработано специальное задание: вскрыть систему обороны противника на подступах к городу.

Но сложилось так, что группу Березняка, куда еще вошли Алексей Трофимович Шаповалов² и Ася Федоровна Жукова³ (радистка), решили забросить в район Кракова. Здесь уже пыталась работать разведывательная группа «Львов», но она задачи не выполнила, хотя радистка Елизавета Яковлевна Вологодская — псевдоним «Комар» — продолжала слать шифровки, в основном общего характера, что не могло удовлетворить советское командование.

В задачу Березняка входило активизировать разведывательные действия. Евгению Березняку был присвоен оперативный псевдоним «Голос», его заместителю лейтенанту Алексею Шаповалову — «Гроза», Асе Жуковой — «Груша».

«Голос», «Гроза» и «Груша» должны были разведать краковский гарнизон противника, установить количество и нумерацию немецких войск, сосредоточенных в районе города; вести наблюдение за воинскими перевозками по железным и шоссейным дорогам, проходящим через Краков; установить, какую и в каком количестве боевую технику противник сосредоточивает на западном берегу Вислы. Одна из главных задач — выявление точного расположения штабов, узлов связи, аэродромов и складов гитлеровцев.

В ночь с 18 на 19 августа 1944 года разведгруппу «Голос» выбросили в тыл противника. Летчики, возвратившись на фронтовой аэродром, доложили, что выбросили десант в указанное место, парашюты десантников раскрылись. Все вроде бы хорошо, за исключением того, что штурман ошибся, и десант был выброшен более чем в 100 километрах от Кракова, к тому же сильный ветер сразу разметал всех троих в разные стороны.

Когда Березняк приземлился и понял, что поиски друзей безрезультатны, он решил самостоятельно пробираться в Краков, но на одном из привалов был схвачен жандармами. Отпираться — кто он — было бессмысленно: портфель был набит валютой, там же пистолет и батареи для радиостанции. И Евгений Березняк, по легенде Винцетий Казимирович Патковский, решил действовать другим путем: балансируя на грани правды на допросах, усыпить бдительность гестаповцев и устроить побег. В конце концов так все и получилось. Хотя и не скоро.

А Елизавета Вологодская без результата ждала «гостей» с Большой земли. По рекомендации польских партизан она обосновалась в доме поляка Михаила Врубеля. В семье Врубелей были две дочери — Розалия и Стефания, которые, как и их отец, оказывали помощь девушке из Москвы. Так Врубели между собой шепотом называли эту незнакомку, приют которой они дали по просьбе командира партизанского отряда Герольда Возницы.

Вологодская поддерживала радиосвязь с разведывательным отделом фронта и стремилась выполнять его задания, однако самостоятельно собирать сведения о противнике не могла — не было документов. Поляки обещали помочь, но это требовало времени.

На помощь советской разведчице пришли поляки Юзеф Францишкович Заенц и его жена Валерия Яновна. Юзеф имел богатый жизненный опыт и понимал, какой опасности подвергал себя и свою жену. Но выбор свой он сделал давно и сознательно шел на риск.

В радиogramмах Вологодской в разведывательный отдел штаба 1-го Украинского фронта Юзеф Францишкович упоминается под псевдонимом «Заяц». Упоминается много раз и, как правило, в одной и той же формулировке: «Заяц» сообщил...». Заенц сообщал много. Сведения его высоко оценивались в штабе фронта.

Центр проинформировал Вологодскую, что друзей с Большой земли она должна ждать с 20 августа ежедневно на западной окраине села Чулув в 22.00. Гость должен был одет в темно-синий костюм, точно отвечать на пароль, затем предъявить розовый носовой платок.

20 августа на встречу никто не прибыл. Так продолжалось несколько дней. Только на пятые сутки Вологодская дождалась Асю Жукову и устроила ее на конспиративную квартиру, подобрать которую помогли поляки. Евгений Березняк появился лишь 26 августа 1944 года, правда, не в темно-синем костюме, однако правильно назвал пароль и предъявил главный опознавательный признак — розовый носовой платок. О том, где он потерял свой темно-синий костюм, Березняк, который называл себя Винcentием Казимировичем Патковским, Елизавете Вологодской он не поведал. Об этом она узнала уже после войны, когда сидела в следственном изоляторе военной контрразведки «Смерш». А вскоре появился и Алексей Шаповалов. Как выяснилось, он приземлился неудачно, подвернул ногу и вынужден был передвигаться только по ночам.

А с элегантным темно-синим костюмом история произошла следующая. Впрочем, произошла она с самим Березняком, т.е. с Винcentием Патковским, которого жандармы доставили вместе с удивительным багажом в село Войковец-Костельский. Сообразив, что улов не по их зубам, жандармы передали пойманного в гестапо. Здесь им заинтересовался подполковник Христианзен. Узнав, что Патковский, по его словам, должен был встретиться с действующим в Кракове советским разведчиком с целью передать ему деньги и питание для радиостанции, Христианзен решил вести свою игру: с помощью Патковского, которого он посчитал просто мелким связным, захватить подлинного разведчика. И вот с 26 по 28 августа в Кракове, у входа на рынок «Танденте», с 14 до 18 часов можно было наблюдать продавца наручных часов в темно-синем костюме, по обе стороны которого настороженно осматривались двое довольно крепких мужчин. Приглядевшись, подобных типов можно было увидеть и в некотором отдалении.

«Обложили, сволочи», — думал Березняк, лихорадочно ища выход из положения. И выход, причем в прямом смысле слова, нашелся на третий день «торговли часами». Примерно в 18.00 у входа на рынок завязалась ссора между двумя пьяными поляками. Ссора перешла в драку, вмешались жандармы. Но они не смогли разнять дерущихся и для острастки сделали несколько выстрелов в воздух. Это всколыхнуло рынок. Продавцы и покупатели рванулись на прилегавшую улицу, в воротах возникла давка. Березняк мгновенно воспользовался ситуацией и, бросив мешок, скрылся в толпе. А на следующий день состоялась встреча с Елизаветой Вологодской.

Учитывая сложную обстановку в Кракове и его окрестностях, Березняк хотел отправить «Грозу» и «Грушу» в польский партизанский отряд, из которого можно было более безопасно организовать связь с Центром. Однако это решение пришлось отменить. Центру нужны были срочные сведения из Кракова и данные об оборонительных сооружениях немцев вдоль западного берега Вислы.

С помощью Юзефа Прысака удалось устроить Алексея Шаповалова, у которого имелись надежные польские документы, на строительство оборонительных сооружений вдоль Вислы. Это стало первой удачей группы. От Шаповалова начали поступать сведения о создании минных полей, их точных размерах и расположении, о строительстве долговременных огневых точек, о противотанковых и иных заграждениях. Количество информации, направлявшейся «Голосом» в Центр, резко возросло, однако в ней не хватало конкретики.

5 сентября из Центра «Голосу» поступили указания следующего содержания: «Вашей информацией недовольны. Завербуйте агентов на наиболее важных объектах. Усильте сбор сведений о гарнизоне города Кракова. Необходимы точные сведения о дислокации и передвижении войск противника. Перенесите свою станцию в Краков. Доложите, где точно находитесь, у кого живете, как расставлены силы».

14 сентября Центр дал «Голосу» дополнительные указания: «Примите все меры по разведке танковых частей противника в районе Краков, Тарнув, Буск. Установите их нумерацию и места дислокации. Сообщите места расположения штабов этих частей».

Выполняя задание Центра, Березняк с помощью Вологодской организовал добывание сведений о немецких частях, дислоцированных в Кракове. Эти сведения собирал Юзеф Прысак, бесстрашный и самоотверженный человек. В радиogramмах «Голоса» этот польский патриот упоминается под псевдонимом «Музыкант». Прысак действительно хорошо играл на скрипке. Он устроился работать сторожем на огородах, расположенных вблизи центральной железнодорожной магистрали Краков — Катовицы, по которой шла переброска боевой техники, личного состава и боеприпасов для усиления краковского оборонительного района немцев.

Каждое воскресенье Прысак вместе с женой и двумя малолетними дочерьми под видом бродячих музыкантов отправлялся в Краков. Семейство бродячих артистов ходило по улицам города, устраивало небольшие концерты, собирая пожертвования. Никто не знал, что Юзеф Прысак собирал сведения о дислокации штабов, местах проживания немецких генералов и офицеров, запоминал, где расположены склады боеприпасов, продовольствия, узлы связи.

Польские партизаны познакомили Евгения Березняка с Кларой Салтыковой, вполне легально работавшей в штабе немецкой группы армий «Центр». Она стала передавать разведчику сведения о противнике, которые ей удавалось добывать. У Клары имелись надежные документы, позволявшие ей практически беспрепятственно передвигаться по Кракову и его окрестностям. Она доставляла добытые сведения из города на железнодорожную станцию Ясновицы, где находился передаточный пункт.

В первой половине сентября интенсивность работы разведывательной группы «Голос» заметно возросла. Ежедневно в Центр отправлялось по две-три радиogramмы. Командующий фронтом маршал И.С. Конев был доволен действиями разведчиков.

Алексей Шаповалов работал на строительстве оборонительных сооружений на Висле и собирал о них точные сведения. Березняк поручил Анне Жуковой шифровать радиogramмы, а Лиза Вологодская проводила сеансы радиосвязи с Центром. В один из таких сеансов в дом Врубеля ворвались гестаповцы. Разведчики не заметили радиопеленгатора, давно уже сновавшего по окрестностям. Лиза Вологодская и Михаил Врубель были арестованы.

Березняк в это время также находился в доме. Он спрятался в хорошо оборудованном тайнике между крышей и одной из стен комнаты второго этажа. Пространство было небольшим, забито сеном, в котором и притаился разведчик. Один из солдат несколько раз проколол сено штыком и ушел. В Березняка штык не попал.

Березняк принял срочные меры, чтобы локализовать провал. В ночь на 18 сентября «Голос», «Гроза» и «Груша» с помощью польских патриотов были переправлены в партизанский отряд, где Березняк встретился с военным разведчиком Иваном

Михайловичем Рудницким («Мак»). В Центр о случившемся, в том числе и об аресте «Комара», отправили радиogramму. Впрочем, там об этом уже знали. Когда немцы заставили Вологодскую связаться с Центром и передавать дезинформацию, она первую же свою радиogramму подписала псевдонимом «Омар», а не «Комар». Это означало, что радист попал в руки противника и работает под его контролем.

Совершенно неожиданно арестованная Вологодская 26 сентября появилась в партизанском отряде. Это удивило всех. Березняк внимательно выслушал отчет радистки о пребывании у немцев и вначале не поверил ей. Подозрительным в ее истории являлось то, что она не только вырвалась из рук немецкой контрразведки, но и смогла, как она докладывала, склонить к сотрудничеству контрразведчика фельдфебеля Гартмана, который и помог ей бежать. Более того, он готов помогать советской разведке и передавать ее представителю сведения секретного характера о немецких войсках в Кракове и его оборонительном районе. Это казалось невероятным. Тем не менее факт оставался фактом: 26 сентября Гартман устроил побег арестованной радистке.

И Березняк решил рискнуть. На первую встречу с фельдфебелем был отправлен Алексей Шаповалов, на всякий случай под прикрытием четырех польских партизан. Встреча произошла на берегу Вислы, в лесном массиве. Гартман прибыл на легковой машине в охотничьей экипировке и с ружьем. Данные Вологодской подтвердились. Гартман, выходец из Прибалтики, отлично владевший русским языком, сообщил, что сбором сведений будет заниматься не только он один, но и его помощник, бывший русский военнослужащий Романов.

Вербовка, казавшаяся невозможной, состоялась. Она открыла новые перспективы для добывания разведывательных сведений. Первые данные, полученные от Гартмана и Романова и направленные «Голосом» в Центр, вызвали за линией фронта не только особый интерес, но и большое сомнение из-за их исключительной точности.

Вот выписка из доклада генерал-полковника П.И. Ивашутина вышестоящему начальству: «...Разведывательной группой «Голос» была вскрыта краковская группировка противника, состоявшая из семи пехотных, одной танковой и одной гренадерской дивизий, расположение штаба армейского корпуса, а также дислокация частей авиационного корпуса и других частей противника, дислоцировавшихся и действовавших в районе действия группы. От разведгруппы было получено большое количество радиogramм с разведанными о войсках и военных объектах противника...».

Оценивая деятельность группы, начальник военной разведки писал: «...Все члены группы, проявив исключительную стойкость, смелость и мужество, успешно выполнили поставленные перед ними командованием фронта задачи по вскрытию краковской группировки противника, что способствовало успешному наступлению наших войск в данном районе.

Приказом Главкома Центральной Группы Войск № 130/н от 30 августа 1945 года двое из состава разведгруппы награждены: Шаповалов А.Т. орденом Отечественной войны II степени и Жукова А.Ф. орденом Красной Звезды.

Остальные, т.т. Березняк Е.С. и Вологодская Е.Я., несмотря на успешное выполнение ими задания в тылу противника, до сего времени не награждены. Причиной этому явилось сомнение в правдоподобности обстоятельств их побега из гестапо...».

Фамилии польских патриотов Владислава Яновича Бохенка, Михаила Мацевича Врубеля, Юзефа Францишковича Заенца и его жены Валерии Яновны, Станислава Яновича Очкаса и Юзефа Юзефовича Прысака и уж, конечно, Гартмана и Романова в докладе не упоминались. Лишь в 1968 году В.Я. Бохенек, М.М. Врубель и Ю.Ф. Заенц были награждены орденами Отечественной войны 1-й степени. Причем Михаил Мацевич Врубель — посмертно. Арестованный вместе с радисткой Елизаветой Вологодской, М. Врубель был замучен в гестапо, но не выдал никого: ни своих польских товарищей, ни советского резидента. Валерия Заенц, Станислав Очкас и Юзеф Прысак были награждены орденами Отечественной войны 2-й степени. Юзеф Юзефович Прысак, замечательный музыкант и находчивый конспиратор, также был награжден посмертно.

В сообщении ТАСС по поводу награждения польских патриотов, в частности, отмечалось, что «...в исключительно трудных условиях оккупационного режима разведгруппа Е.С. Березняка установила связь с местными партизанами и польскими подпольщиками и с их помощью добывала ценную информацию о противнике, о дислокации воинских частей оккупантов и об их составе. Эти сведения имели важное значение при подготовке операций войск 1-го Украинского фронта по освобождению Кракова.

Советские разведчики совместно с польскими патриотами супругами Заенц Юзефом и Валерией, Владиславом Бохенком, Юзефом Прысаком и другими товарищами сумели предотвратить подготовленное фашистами уничтожение бывшей польской столицы города Кракова, сохранить его исторические и культурные памятники».

Имя же фельдфебеля Карла Гартмана в официальных документах никогда не упоминалось. Березняк, когда Гартман согласился передавать разведчикам сведения о немецком гарнизоне в Кракове, присвоил ему псевдоним «Правдивый», а Романову — «Молния». Именно от них «Голос» получал особо ценные сведения.

Когда войска Красной армии освободили Краков, спасенный польскими патриотами и советскими разведчиками от уничтожения фашистами, Гартман был заброшен немецкой разведкой в тыл Красной армии. Он должен был выполнить разведывательно-диверсионное задание. Оказавшись на территории, занятой советскими войсками, Гартман при первой же возможности сдался в плен. Переданный в органы военной контрразведки, он, сам того не зная, вторично спас жизнь Елизавете Вологодской.

Произошло это так. После выполнения задания все члены разведывательной группы «Голос» возвратились в разведывательный отдел 1-го Украинского фронта. Их разместили в разных квартирах и предложили написать подробные отчеты о проделанной в тылу противника работе.

Кроме отчета, Евгений Березняк подготовил еще и объяснительную записку, в которой сообщил о том, что несколько дней находился в руках военной контрразведки противника, пока не удалось совершить побег. О такой же ситуации поведала и Елизавета Вологодская. В «Смерше» в эти чудеса, конечно, не поверили. Особые подозрения вызвали и очень уже легкие условия вербовки Гартмана.

В конце концов сотрудник военной контрразведки майор Харлампида, который занимался изучением дел разведгруппы «Голос», сделал следующий вывод: «Агенты «Гроза» и «Груша» сомнений не вызывают и заслуживают денежной премии. «Гроза» в размере 1000 злотых, «Груша» — 500 злотых...». Асю Жукову оставили в резерве разведывательного отдела фронта, Алексея Шаповалова направили для дальнейшего прохождения службы в запасной полк. А вот с Березняком, Вологодской и Гартманом не

знали что делать. Харлампида в заключении по отчету Березняка писал: «...Скорее всего, можно предположить, что «Правдивый» (Гартман) — опытный контрразведчик, поставивший целью глубоко проникнуть в органы советской военной разведки, начал плести тонкую и хитрую паутину вокруг провалившихся советских агентов и через них стремится втереться в доверие. Для этой цели он устроил бутафорный побег для радистки «Комар», передавал точную информацию о действиях и дислокации войск противника. Считаю, что из-за этих мотивов следует передать «Голос» и «Комар» для дальнейшего изучения и разработки органам контрразведки “Смерш”».

Березняк и Вологодская были направлены в подольский проверочно-фильтрационный лагерь НКВД № 174, где узнали об окончании войны и встретили День Победы.

Так закончилась одна из самых успешных в годы Великой Отечественной войны операций советской военной разведки. Общие результаты действий разведывательной группы «Голос» таковы: за период с 19 августа 1944 года по 23 января 1945 года группой была вскрыта краковская группировка противника, состоявшая из 78, 96, 208, 359, 371, 544 и 545-й пехотных дивизий, 20-й танковой и 344-й гренадерской дивизий, расположение штаба 59-го артиллерийского корпуса и ряда других воинских частей противника, дислоцированных в районе действия разведывательной группы. Кроме того, созданный Березняком боевой отряд из советских военнослужащих, бежавших из плена, провел ряд успешных диверсий на железнодорожных и шоссейных коммуникациях противника. За 156 дней пребывания разведгруппы в районе Кракова Березняк и его радисты направили в Центр 140 радиogramм с разведывательными данными о немецких войсках и военных объектах. И что самое интересное: в боевом задании разведывательной группы «Голос» не было задачи по спасению Кракова. Березняк узнал о чудовищном замысле фашистов от Гартмана и захваченного в плен майора краковского укрепрайона Курта Пеккеля. Добытые данные позволили советским разведчикам и польским партизанам спасти древнюю столицу Польши от уничтожения.

А что же стало с самими разведчиками? Пока Березняк и Вологодская томились в ожидании своей судьбы в подольском проверочно-фильтрационном лагере, сдавшийся в плен Гартман дал показания, подробно рассказав о том, как он содействовал побегу советской радистки. О ее дальнейшей судьбе он ничего не знал.

Изучив показания Гартмана и объяснительные записки Вологодской, следователи пришли к заключению, что разведчица говорила правду, и дали «добро» на ее освобождение. Так фельдфебель Гартман второй раз спас жизнь Елизавете Вологодской. Как сложилась судьба самого Гартмана, неизвестно.

Дело Евгения Березняка тоже попало в водоворот событий, в правдоподобность которых сегодня трудно поверить. Подполковник Христианзен, начальник Абверкоманды-305, после разгрома фашистской Германии оказался в руках советской контрразведки. Ему было о чем рассказать советским следователям. Он и его подчиненные направили в тыл Красной армии не один десяток агентов из состава советских военнопленных. О каждом из них Христианзен должен был составить подробную справку. Он обладал, как и любой профессиональный разведчик, исключительно цепкой памятью. Вспомнил Христианзен и о своей неудачной попытке задержать в Кракове в августе 1944 года резидента советской разведки с помощью арестованного связника, который хитроумно сбежал на краковском городском рынке. Так бывший враг «оправдал» Евгения Березняка.

После выхода из лагеря Е.С. Березняк и Е.Я. Вологодская поженились и остались жить во Львове, находясь, кстати, до 1956 года под негласным наблюдением КГБ.

В конце 1956 года их жизненные пути разошлись. Евгений Степанович переехал в Киев, Елизавета Яковлевна осталась с сыном во Львове. В 1965 году оба получили ордена Отечественной войны соответственно 1-й и 2-й степени. Радистка Жукова после войны вышла замуж, сменила фамилию, окончила медицинский институт, работала врачом. Алексей Шаповалов после демобилизации посвятил себя партийной работе на Украине.

Встречались ли после войны отважные разведчики? Неоднократно. В канун 45-летия Победы они собрались в Москве. Из Киева приехал Евгений Степанович Березняк, из Ялты — Ася Федоровна Жукова, из Львова — Елизавета Яковлевна Вологодская. Алексей Тимофеевич Шаповалов по состоянию здоровья на встречу с фронтовыми товарищами приехать не смог.

За подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны, военный разведчик Евгений Степанович Березняк удостоен многих наград, как советских, так и новых. В 2001 году ему присвоено звание «Герой Украины», в 2005-м — воинское звание генерал-майор.

Березняк находился и среди 120 ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в Киеве, которым в честь 60-летия Победы над фашистской Германией от имени Президента Российской Федерации Владимира Путина были вручены награды и подарки. Торжественную церемонию награждения ветеранов, которая проходила в Национальном музее Великой Отечественной войны, проводил посол России в Украине Виктор Черномырдин. 43 Героя Советского Союза получили именные часы с надписью «От Президента Российской Федерации», а 49 ветеранов — российских граждан, проживающих на Украине, — медали «60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Именные часы получил и военный разведчик Евгений Степанович Березняк, который накануне своего 90-летия сказал: «Для отношений Украины, России и Польши самое важное — помнить и беречь то, что нас роднит и объединяет. Его больше, оно весомее. А противопоставлять народы, выискивать в истории то, что их разделяет, способен лишь человек недалекий и недобрый...».

Когда юбиляра поздравляли с 90-летием, он пошутил: «Готовьте к моему столетию белого коня...».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Березняк Евгений Степанович, родился 25 февраля 1914 г., украинец, член КПСС с 1939 г. В 1938 г. окончил педагогический институт в г. Осипенко. В 1939 г. награжден медалью «За трудовую доблесть». Работал учителем, инспектором районного отдела народного образования и заведующим районо во Львове и Днепропетровске. В 1941—1943 гг. по заданию Днепропетровского обкома Компартии Украины работал на временно оккупированной территории. После освобождения Днепропетровска с 26 октября 1943 г. до 25 января 1944 г. работал заведующим сектором информации Днепропетровского обкома Компартии Украины. В январе 1944 г. привлечен военной разведкой для выполнения специального задания в тылу противника.

2 Шаповалов Алексей Трофимович, родился 20 августа 1921 г., украинец. Уроженец села Марто-Ивановка Александровского района Кировоградской области. В Красной армии с 22 октября 1940 г. Окончил школу младших командиров. В период с 25 июня по 31 августа 1941 г. был политруком взвода связи 138-го отдельного батальона связи 12-го укрепленного района Южного фронта. Во время одного из боев попал в плен. Бежал. Оказался в партизанском отряде им. К.Е. Ворошилова, в котором воевал с 15 сентября

1942 г. по 15 января 1943 г. После освобождения Кировограда от немцев с 19 декабря 1943 г. по 22 января 1944 г. работал секретарем Новокрашевского райкома комсомола. В январе 1944 г. привлечен к сотрудничеству военной разведкой.

З Жукова (Церетели) Ася Федоровна, родилась 21 декабря 1924 г., украинка. Уроженка Днепропетровской области, образование среднее. До войны работала учительницей, проживала на оккупированной немцами территории. С 20 октября 1943 г. по 4 апреля 1944 г. — курсант школы радистов в г. Горьком. С апреля по июнь 1944 г. находилась в распоряжении разведывательного отдела штаба 1-го Украинского фронта.

МОЛОДЕЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

из неопубликованных рукописей

Публикация: Ясман Зинаида Даниловна —

ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

В.М. Догадин

моя служба в 4-м понтонном батальоне В 1906—1908 ГГ.

Весной 1907 года у нас в батальоне произошел инцидент, характеризующий моральные нормы поведения офицеров старой армии. К командиру батальона полковнику Сафонову явилась женщина с жалобой на подпоручика И.Т. Позднеева, который, по ее словам, вступил в связь с ее дочерью, и в результате ожидается ребенок. Полковник передал жалобу на рассмотрение суда общества офицеров, который вынес решение: «Предложить подпоручику Позднееву жениться на девушке, а в случае несогласия — уволить его со службы с зачислением в запас».

Подпоручик Позднеев жениться не пожелал и потому должен был оставить военную службу, несмотря на то, что офицеру, как не имеющему никакой другой подготовки, было очень трудно найти себе какую-либо работу.

Вот как жестоко ставились в офицерской среде вопросы морального порядка. Между прочим, следует отметить, что Позднеев был очень скромн и молчалив. По службе он был исключительно аккуратен. Никто из нас, товарищей, не только не знал, но даже не подозревал о его отношениях с какой-либо девушкой, хотя мы с Анатолием в летнее время нередко ночевали у него в комнате. Так что вся эта история оказалась для нас полнейшей неожиданностью.

В дальнейшем я услышал о Позднееве только после Отечественной войны, что он закончил жизнь на службе в Инженерной академии в звании генерала. Как протекала его предшествующая жизнь, мне узнать не пришлось.

В нашем батальоне он занимал должность казначея, а после его ухода на эту должность был назначен я. В связи с этим я стал получать 8 рублей так называемых столовых денег и приобрел право пользоваться казенным экипажем. Кроме 55 рублей жалованья, я в это время имел еще при жизни в городе 22 квартирных и за частный урок по подготовке одного юноши в юнкерское училище — 10 рублей, а всего 95 рублей в месяц, из которых вычеты делались только в офицерский заемный капитал в сумме двух рублей. На накопления в капитале начислялись проценты. Ссуды из капитала выдавались без ограничения суммы, а погашения производились по 4 рубля в месяц вне зависимости от размера долга.

На лето оба понтонных батальона, как и в предыдущий год, отправились в Китаевский лагерь (в этом же месте проводили лагерные сборы киевские понтонеры и в советское время). Я с Анатолием жил в той же комнате, однако на занятиях в роте уже не бывал, а по должности казначея, связанной с обязанностями квартирмейстера и начальника нестроевой команды, должен был часто отлучаться в город.

Смирновы, как и другие китаевские дачники, были постоянны в выборе места для летнего отдыха, впрочем, состав лагерного окружения вообще оказался без особых перемен.

Так же беззаботно и весело проводили вечера и праздничные дни молодые офицеры в обществе дачниц, встречая и провожая пароходы, катаясь на лодках, гуляя по лесу и у монастырских прудов и танцуя по субботам в офицерском собрании.

Осенью с выездом из лагеря в город мы с Анатолием сняли комнату у С.И. Чеботаревой, которая с этой целью наняла новую квартиру на Шияновской улице. Одновременно у нее жил и питался товарищ ее сына по гимназии В.И. Вавченко, который и поныне здравствует и проживает в Москве.

С наступлением осени подпоручик Введенский, продолжая неизменно проводить свободное время в обществе Ю.Ю. Исаевич, решил закрепить свои отношения с ней законным браком. Однако для офицера сделать это было не так-то просто.

Дело в том, что по существовавшим в те времена положениям офицер до 24 лет вообще не имел права жениться. С наступлением же этого возраста и до 28 лет он мог жениться не только лишь с разрешения своего начальства, но и при обязательном условии представления реверса (залога) в сумме 5000 рублей. Эта сумма ему постоянно в течение пяти лет возвращалась и служила материальным обеспечением его семейной жизни.

У Введенского не было ни установленного возраста, ни тем более такой большой суммы для реверса. А связывать свою судьбу с любимой девушкой без законного оформления, конечно, не могло прийти в голову ни ему, ни ей. С этого момента Введенский начал энергичные поиски священника, который согласился бы повенчать их без наличия разрешения от начальства. Однако очень долго все поиски подпоручика в Киеве и его окрестностях были безуспешны, и он очень горевал, рассказывая мне о своих неудачах: не находилось ни одного священнослужителя, который дал бы свое согласие. Наконец, однажды Введенский влетел ко мне радостный и возбужденный со словами: «Нашел! Был на Демиевке у одного молодого попа, который сразу без всяких уговоров согласился нас повенчать, причем спросил с меня только сто рублей. Принесите, говорит,

нотариальное свидетельство о том, что вы не женаты, и еще копию с послужного списка. Только и всего!» «Но ведь всякая копия послужного списка должна иметь надпись, для какой цели она выдана», — сказал Введенский. «А я эту надпись обрежу», — пояснил священник.

Дальше все пошло быстро. Мы с Введенским и третьим товарищем отправились к нотариусу и засвидетельствовали его безбрачие. Затем Введенский подал рапорт о выдаче ему послужного списка «якобы на предмет получения наследства» (была в положении такая статья), а Анатолий в качестве адъютанта заготовил послужной список, причем надпись о том, для чего он выдается, Анатолий постарался сделать наверху, у самого края, чтобы священнику было легче ее обрезать ножницами. Еще нужно было достать приличный экипаж без затраты денег, чтобы доставить жениха и невесту в церковь и обратно на квартиру. С этой целью я обратился к командиру батальона полковнику Сафонову. Он дал разрешение воспользоваться его казенным парным экипажем, причем добавил: «Только имейте в виду, что я ничего об этом не знаю».

Сначала по обычаю в церковь на Демиевке поехали жених и я в качестве шафера. Он по нервности своей натуры был особенно возбужден, ехал стоя, размахивая руками, и что-то громко напевал.

Затем приехала невеста. Церковный обряд венчания был скромно выполнен, и они стали мужем и женой, но не перед начальством и не перед обществом. В официальные места, как например в офицерское собрание, они не имели права являться вместе. У них на квартире из посторонних бывали только я с Марией Васильевной. Остальные делали вид, что ничего не знают. Оба они не унывали, но все-таки положение было ложное, ненормальное.

В ноябре отпраздновали свадьбу и Анатолий с Шурочкой Чеботаревой. У них все прошло гладко, так как для внесения реверса дядя Шурочки дал заимообразно процентные бумаги на требуемую сумму.

Бракосочетание прошло, как полагается, торжественно, и молодые поселились в комнате у тещи, где продолжал жить и я.

Теперь из нас троих только я один остался на холостом положении. Я пытался обратить внимание моей Марии Васильевны на это грустное для меня обстоятельство. Она отмалчивалась и уклонялась от серьезного разговора, хотя я продолжал получать от нее существенные знаки ее расположения. Так, например, в собрание на танцы возил ее в сопровождении старшей сестры только я, причем на ее груди всегда красовалась подносимая мною большая бутоньерка в виде гирлянды из живых цветов. Раза два она доверялась мне, чтобы вечером вместе прокатиться вихрем по Печерску и вниз к Цепному мосту на тесных санках «лихача» с рысаком, покрытым голубой сеткой. А однажды, когда мы с ней остались одни в гостиной, она сказала: «Стойте смирно и закройте глаза». Я, конечно, поспешил исполнить ее желание и в этот момент почувствовал на своей щеке жаркое прикосновение ее нежных губок... Пока я открывал глаза и протянул руки, ее легкая фигурка промелькнула уже за пределами моей досягаемости.

В эту зиму я стал подумывать о необходимости начать готовиться к экзаменам, так как заканчивался второй год моего пребывания на службе, и осенью 1908 года мы с Введенским решили поступать в Инженерную академию.

Впрочем, вследствие больших соблазнов к развлечениям и приятному времяпрепровождению дальше благих намерений дело у нас не пошло, и мы откладывали свои занятия до весны, когда имели право на освобождение от службы для подготовки к экзаменам.

Пришла волшебница весна. Киевские сады и парки украсились яркою зеленью молодой листвы и манили жителей города насладиться прелестью ожившей природы.

В день своего дежурства в Никольских казармах я вышел в примыкавший к ним Мариинский парк, расположенный на берегу Днепра, куда обещала прийти рассеять мою скуку Мария Васильевна.

Она пришла с сияющей улыбкой и, тесно расположившись со мною на лавочке, сразу заговорила: «Сегодня сестра Люся сказала при всех: я уверена, что Маруся выйдет замуж за Владимира». Это в первый раз Мария Васильевна заговорила со мной о замужестве, а ее радостно возбужденное состояние показывало, что предположение ее сестры не только для нее не противно, но, по-видимому, достаточно совпадает с ее мыслями. «Но я соглашусь только после окончания Вами академии», — высказала свое решение Мария Васильевна. [...] Оба счастливые, радостные, с мечтами о чудесном будущем закончили мы это знаменательное свидание среди сияющей и сочувствующей нам природы ласкового весеннего дня.

К началу выступления в лагерь я выслужил полный год в должности казначея и тем самым приобрел право получать восемь рублей столовых денег и во время пребывания в академии. От служебных обязанностей мы с Введенским были освобождены, чтобы всецело заняться подготовкой к экзаменам. Но жить мы продолжали в лагере: я с Анатолием, а он — в комнате со своей женой.

Должность казначея я передал поручику Фомину, который выделялся полнотой и добродушием. [...]

Лето проходило быстро, а занятия у нас с Введенским подвигались туго: у меня по соседству жила невеста, а у него под боком была молодая жена... Какие уж тут занятия науками! И когда 16 августа мы с ним выехали в Петербург, то больше рассчитывали на свои старые знания, приобретенные еще в бытность в Инженерном училище. Результаты такого положения сказались в самом начале экзаменов. Введенский получил сразу по физике неудовлетворительную отметку, а потом такую же по математике, после чего инспектор классов полковник Ф.И. Зубарев крепко пожал ему руку и пожелал приехать держать экзамен на следующий год. Мне же пришлось сильно подналечь, пользуясь промежуточными днями подготовки к экзаменам. Конечно, в получении хороших отметок мне помогла отличная репутация, завоеванная мною еще во время обучения в Инженерном училище, которое я окончил первым и мое имя было занесено на мраморную доску, находившуюся у дверей в академические классы, а экзаменаторами были те же преподаватели Инженерного училища.

Потерпев неудачу на экзаменах в академию, Введенский невероятно нервничал, раздражался, а так как мы жили с ним в одной комнате на Пантелеймоновской улице, то его дурное настроение очень мешало мне усиленно готовиться к экзаменам: он постоянно ворчал, что я ему мешаю тем, что ложусь спать, или тем, что рано встаю. Наконец, чтобы не возвращаться с конфузом в свой батальон, он решил попытаться поступить в Офицерскую электротехническую школу. Там ему ответили, что все места уже заполнены, однако предложили подать рапорт на случай освобождения вакансии, что он и сделал.

Одновременно он надумал использовать свое пребывание в Петербурге для оформления своей нелегальной женитьбы. С этой целью он отправился к помощнику начальника Главного инженерного управления генералу Евдокимову, которого мы знали как нашего преподавателя по законоведению в Инженерном училище.

Выслушав Введенского, генерал рекомендовал ему прямо обратиться к начальнику Главного инженерного управления инженер-генералу Вернандеру, высказав предположение, что последний отнесется к молодому подпоручику сочувственно.

Введенский сейчас же отправился к Вернандеру и рассказал ему, зачем он пришел. «Как! Вы женились без разрешения начальства?! — строго воскликнул генерал. — А знаете ли Вы, что Вам за это полагается?» «У меня душа ушла в пятки», — рассказывал мне Введенский. «Нет, не знаю», — робко ответил я ему. «Позвать ко мне генерала Геранли! (начальник 1-го отдела) — потребовал генерал Вернандер. — Найдите мне статью закона, указывающую, какому наказанию подвергается офицер, женившийся без разрешения начальства», — обратился он к спешно прибывшему на зов генералу Геранли. Тот начал перелистывать книгу законов и почтительно доложил сердитому генералу, что такой статьи он не мог найти. «Поищите получше, — настаивал Вернандер, — есть такая статья, по которой офицер, женившийся без разрешения, увольняется со службы. Вы слышите, что Вам угрожает?» — обратился он к оторопевшему и совершенно упавшему духом Введенскому. — Поезжайте обратно в Киев и немедленно подайте рапорт командиру Вашего батальона о Вашей женитьбе», — высказал свое решение генерал.

Введенскому ничего более не оставалось делать, как выполнить приказ начальства.

Вернувшись в Киев, он подал рапорт о женитьбе полковнику Сафонову, тот представил его на рассмотрение начальнику саперной бригады генералу Третьякову (известному герою Порт-Артура), который назначил Введенскому арест в 30 суток на гауптвахте.

Не успел Введенский отсидеть и двух недель, как из Петербурга пришел ему вызов на учение в электротехнической школе.

По просьбе Введенского начальство выпустило его из-под ареста и направило учиться в Петербург с тем условием, чтобы оставшийся срок он отсидел на гауптвахте в Петербурге во время рождественских каникул. Вот каким образом Введенский легализовал свое семейное положение. А тем временем 30 августа, в день своих именин, когда он еще проживал со мной в комнате, поздно вечером его разбудила телеграмма, которая извещала его о рождении дочери Верочки.

(Окончание следует)

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Публикация: ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна —

научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.С. ЛЕСКОВ

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Глава десятая

Второй номер за игуменом в монастырях принадлежит эконому. Так было и у нас, в нашем монастыре. За Михаилом Степановичем Перским по важности значения следовал воспетый Рылеевым эконом в чине бригадира — Андрей Петрович Бобров.

Я ставлю его вторым только по подчиненности и потому, что нельзя всех поставить вместе в первых, но по достоинствам души, сердца и характера этот Андрей Петрович был такой же высоко замечательный человек, как сам Перский, и ни в чем не уступал ему, разве только в одной умственной находчивости на ответы. Зато сердцем Бобров был еще теплее.

Он, разумеется, был холост, как и надо по монастырскому уставу, и детей любил чрезвычайно. Только не так любил, как иные любят, — теоретически, в рассуждениях, что, мол, «это будущность России», или «наша надежда», или же еще что-нибудь подобное, вымышленное и пустяковое, за чем часто нет ничего, кроме эгоизма и бессердечия. А у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая, которую не нужно было нам изъяснять и растолковывать. Мы все знали, что он нас любит и о нас печется, и никто бы нас в этом не мог разубедить.

Бобров был низенького роста, толстый, ходил с косицею и по опрятности составлял самый резкий контраст с Перским, а был похож в этом отношении на дедушку Крылова. Сколько мы его знали, он всегда носил один и тот же мундир, засаленный-презасаленный, и другого у него не было. Цвет воротника этого мундира определить было невозможно, но Андрей Петрович нимало этим не стеснялся. В этом самом мундире он был при деле и в нем же, когда случалось, предстоял перед старшими военными лицами, великими князьями и самим государем.

Говорили, будто бы император Николай Павлович знал, куда Бобров девает свое жалованье, и из уважения к нему не хотел замечать его неряшество.

У Боброва была Анна с бриллиантами на шее, которую он носил постоянно, а уж на какой ленте висела эта Анна, про то не спрашивайте. Лента была так же нераспознаваема, как цвет его воротника на мундире.

Он заведывал всей экономической частью корпуса совершенно самостоятельно. Беспреданно занятый научною частью, директор Перский совсем не вмешивался в хозяйство, да это было и не нужно при таком экономе, как бригадир Бобров. К тому же оба они были друзья и верили друг другу безгранично.

В ведении Боброва было как продовольствие, так и одежда всех кадет и всей прислуги без исключения. Сумма расходов простиралась до шестисот тысяч рублей ежегодно, а за сорок лет его экономского служения у него, значит, обратилось до двадцати четырех миллионов, но к рукам ничего не прилипло. Напротив, даже три тысячи рублей положенного ему жалованья он не получал, а только в нем расписывался, и когда этот

денежный человек на сороковом году своего экономства умер, то у него не оказалось своих денег ни гроша, и его хоронили на казенный счет.

Я скажу в конце, куда он девал свое жалование, на какую проматывал его необходимую страстишку, о которой, как выше замечено, будто бы и знал покойный император Николай Павлович.

Глава одиннадцатая

По обычаю своему Бобров был такой же домосед, как и Перский. Сорок кряду лет он буквально не выходил из корпуса, но зато постоянно ходил по корпусу и все учреждал свое дело, все хлопотал, «чтобы мошенники были сыты, теплы и чисты». Мошенники — это были мы, — так он называл кадет, разумеется употребляя это слово как ласку, как шутку. Мы это знали.

Всякий день он вставал в пять часов утра и являлся к нам в шесть часов, когда мы пили сбитень; после этого мы шли в классы, а он по хозяйству. Затем обед и всякую другую пищу мы получали непременно при нем. Он любил «кормить» и кормил нас прекрасно и очень сытно. Наш нынешний государь в отрочестве своем не раз кушивал с нами за общим кадетским столом и, вероятно, еще изволит помнить нашего «старого Бобра»*. Порций, как это водится во всех заведениях, у нас при Боброве не было — все ели сколько кто хотел. Одевал он нас всегда хорошо; белье заставлял переменять три раза в неделю. Был очень жалостлив и даже баловник, что отчасти было, вероятно, известно Перскому и другим, но не все: водились и такие вещи, которые Андрей Петрович по добросердечию своему не мог не сделать, но знал, что они незаконны, и он, бригадир, скрывался с ними, как школьник. Это больше всего касалось кадет, подвергнутых наказанию. Тут он весь вне себя был, сдерживался, но внутренне ужасно болел, кипятился, как самоварчик, и, наконец, не выдерживал, чтобы чем-нибудь не «утешить мошенника». Всякого наказанного он как-нибудь подзовет, насупится, будто какой-то выговор хочет сказать, но вместо того погладит, что-нибудь даст и отпихнет:

— Пошел, мошенник, вперед себя не доводи!

Особенная же забота у него шла о кадетях-арестантах, которых сажали на хлеб на воду, в такие устроенные при Демидове особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантам подавание. Андрей Петрович всегда знал по счету пустых столовых приборов, сколько арестованных, но кадеты не опускали случая с своей стороны еще ему особенно об этом напомнить. Бывало, проходя мимо его из столовой; под ритмический топот шагов, как бы безотносительно произносят:

— Пять арестантов, пять арестантов, пять арестантов.

А он или стоит только, выпуча свои глазки, как будто ничего не слышит, или, если нет вблизи офицеров, дразнится, то есть отвечает нам тем же тоном:

— Мне что за дело, мне что за дело, мне что за дело.

Но когда посаженных на хлеб на воду выводили из арестантских на ночлег в роту, Андрей Петрович подстерегал эту процессию, отнимал их у провожатых, забирал к себе в кухню и

тут их кормил, а по коридорам во все это время расставлял солдат, чтобы никто не подошел.

Сам им, бывало, кашу маслит и торопится тарелки подставлять, а сам твердит:

— Скорее, мошенник, скорее глотай!

Все при этом часто плакали — и арестанты, и он, их кормилец, и сторожевые солдаты, участвовавшие в проделках своего доброго бригадира.

Кадеты его любили до той надоедливости, что ему буквально нельзя было показаться в такое время, когда мы были свободны. Если, бывало, случится ему по неосторожности попасть в это время на плац, то сейчас же раздавался крик:

— Андрей Петрович на плацу!

Больше ничего не нужно было, и все знали, что делать: все бросались к нему, ловили его, брали на руки и на руках несли, куда ему было нужно.

Это ему было тяжело, потому что он был толстенький кубик, — ворочается, бывало, у нас на руках, кричит:

— Мошенники! вы меня уроните, убьете... Это мне нездорово, — но это не помогало.

Теперь скажу о страстишке, по милости которой Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалованья, а только расписываться.

Глава двенадцатая

У нас очень много было людей бедных, и когда нас выпускали, то выпускали на бедное же офицерское жалованье. А мы ведь были младенцы, о доходных местах и должностях, о чем нынче грудные младенцы знают, у нас и мыслей не было. Расставались не с тем, что я так-то устроюсь или разживусь, а говорили:

— Следите за газетами: если только наш полк будет в деле, — на приступе первым я.

Все так собирались, а многие и исполнили. Идеалисты были ужасные. Андрей Петрович сожалел о бедняках и безродных и хотел, чтобы и из них каждый имел что-нибудь приличное, в чем оно ему представлялось. Он давал всем бедным приданое — серебряные ложки и белье. Каждый выпущенный прапорщик получал от него по три перемены белья, две столовые серебряные ложки, по четыре чайных, восемьдесят четвертой пробы. Белье давалось для себя, а серебро — для «общегития».

— Когда товарищ зайдет, чтобы было у тебя чем дать щей хлебнуть, а к чаю могут зайти двое и трое, — так вот, чтобы было чем...

Так это и соразмерялось — накормить хоть одного, а чайком напоить до четырех собратьев. Все до мелочей и вдаль, на всю жизнь, внушалось о товариществе, и диво ли, что оно было?

Ужасно трогательный был человек, и сам растрогивался сильно и глубоко. Поэтически мог вдохновлять, и Рылеев, как я сказал, написал ему оду, которая начиналась словами: «О ты, почтенный эконо́м Бобров!».

Вообще любили его поистине, можно сказать, до чрезвычайности, и любовь эта в нас не ослабевала ни с годами, ни с переменою положения. Пока он жил, все наши, когда случалось быть в Петербурге, непременно приезжали в корпус «явиться Андрею Петровичу» — «старому Бобру». И тут происходили иногда сцены, которых словами просто даже передать нельзя. Увидит, бывало, человека незнакомого с знаками заслуг, а иногда и в большом чине, и встретит официально вопросом: «Что вам угодно?». А потом, как тот назовет себя, он сейчас сделает шаг назад и одной рукой начнет лоб чесывать, чтобы лучше вспоминать, а другою отстраняет гостя.

— Позвольте, позвольте, — говорит, — позвольте!

И если тот не спешил вполне открыться, то он ворчал:

— У нас был... мошенник... не из наших ли?..

— Ваш, ваш, Андрей Петрович! — отвечал гость или же, порываясь к хозяину, показывал ему его «благословение» — серебряную ложечку.

Но тут вся сцена становилась какою-то дрожащею. Бобров топал ногами, кричал: «Прочь, прочь, мошенник!» и с этим сам быстро прятался в угол дивана за стол, закрывал оба глаза своими пухленькими кулачками или синим бумажным платком и не плакал, а рыдал, рыдал звонко, визгливо и неудержимо, как нервическая женщина, так что вся его внутренность и полная мясистая грудь его дрожала и лицо наливалось кровью.

Удержать его было невозможно, а так как это не раз бывало с ним при таких крайне волновавших его встречах, то денщик его это знал и сейчас ставил перед ним на подносике стакан воды. Более никто ничего не предпринимал. Истерика восторга кончалась, старик сам выпивал воду и, вставая, говорил ослабевшим голосом:

— Ну... теперь поцелуй, мошенник!

И они целовались долго-долго, причем многие, конечно, без всякого унижения или ласкательства целовали у него руки, а он уже только с блаженством повторял:

— Вспомнил, мошенник, старика, вспомнил. — И сейчас же усаживал гостя и сам принимался доставать из шкафа какой-то графинчик, а денщика посылал на кухню за кушаньем.

Отказаться от этого никто не мог. Иной, бывало, отпрашивается:

— Андрей Петрович! я, — говорит, — зван и обещался к такому-то, или к такому-то, какому-нибудь важному лицу.

Ни за что не отпустит.

— Знать ничего не хочу, — говорит, — важные лица тебя не знали, когда я тебя на кухне кормил. Пришел сюда, так ты мой, — и должен из старого корыта почавкать. Без того не выпущу.

И не выпустит.

Рацей он никогда не читал, а только жил перед нами и остался жить после того, как его в конце сорокового года службы за недостаточностию на казенный счет похоронили.

Глава тринадцатая

Теперь третий постоянный инок нашего монастыря — наш корпусный доктор Зеленский. Он тоже был холост, тоже был домосед. Этот даже превзошел двух первых тем, что жил в лазарете, в последней комнате. Ни фельдшер, ни прислуга — никто никогда не могли себя предостеречь от внезапного его появления у больных: он был тут как днем, так и ночью. Числа визитаций у него не полагалось, а он всегда был при больных. В день несколько раз обойдет, а кроме того еще навернется иногда невзначай и ночью. Если же случался труднобольной кадет, так Зеленский и вовсе его не оставлял — тут и отдыхал возле больного на соседней койке.

Этот доктор по опрятности был противоположность Перскому и родной брат эконому Боброву. Он ходил в сюртуке, редко вычищенном, часто очень изношенном и всегда расстегнутом, и цвет воротника у него был такой же, как у Андрея Петровича, то есть нераспознаваемый.

Он был телом и душою наш человек, как и два первые. Из корпуса он не выходил. Это, может быть, покажется невероятным, но это так. Никакими деньгами нельзя было его заставить выехать с визитом на сторону. Был один пример, что он изменил своему правилу, когда приехал в Петербург великий князь Константин Павлович из Варшавы. Его высочество посетил одну статс-даму, которую застал в страшном горе: у нее был очень болен маленький сын, которому не могли помочь тогдашние лучшие доктора столицы. Она посылала за Зеленским, который славился отличным знатоком детских болезней, в коих имел, разумеется, огромный навык, но он дал свой обыкновенный ответ:

— У меня на руках тысяча триста детей, за жизнь и здоровье которых я отвечаю и на стороны разбрасываться не могу.

Огорченная его отказом статс-дама сказала об этом великому князю, и Константин Павлович, будучи шефом Первого кадетского корпуса, изволил приказать Зеленскому поехать в дом этой дамы и вылечить ее ребенка.

Доктор повиновался — поехал и скоро вылечил больного дитя, но платы за свой труд не взял.

Одобрят ли кто или не одобряет этот его поступок, но я говорю, как происходило.

Глава четырнадцатая

Зеленский был доктор отличный и, сколько я могу теперь понимать, вероятно, относился к новой медицинской школе: он был гигиенист и к лекарствам прибегал только в самых редких случаях; но тогда насчет медикаментов и других нужных врачебных пособий был требователен и чрезвычайно настойчив. Что он назначил и потребовал, — это уже чтоб

было, да, впрочем, и сопротивления-то некому было оказывать. О пище уж и говорить нечего: разумеется, какую порцию ни потребуй, Бобров не откажет. — Он и здоровых «мошенников» любил кормить досыта, а про больных уже и говорить нечего. Но я помню раз такой случай, что доктор Зеленский для какого-то больного потребовал вина и назначил его на рецепте словами: «такой-то номер по преискуранту Английского магазина».

Солдат понес требование эконому, и через несколько минут идет сам Андрей Петрович.

— Батенька, — говорит, — вы знаете ли, сколько этот номер вина за бутылку стоит? Он ведь стоит восемнадцать рублей.

А Зеленский ему отвечал:

— Я и знать, — говорит, — этого не хочу: это вино для ребенка нужно.

— Ну а если нужно, так и толковать не о чем, — отвечал Бобров и сейчас же вынул деньги и послал в Английский магазин за указанным вином.

Привожу это, между прочим, в пример тому, как они все были между собою согласны в том, что нужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той их крепкой друг в друге уверенности, что ни у кого из них нет более драгоценной цели, как наше благо.

Имея на руках в числе тысячи трехсот человек двести пятьдесят малолетних от четырех до восьми лет, Зеленский тщательнейше наблюдал, чтобы не допускать повальных и заразительных болезней, и заболевавших скарлатиною сейчас же отделял и лечил в темных комнатах, куда не допускал капли света. Над этой системой позже смеялись, но он считал ее делом серьезным и всегда ее держался, и оттого ли или не оттого, но результат был чудесный. Не было случая, чтобы у нас не выздоровел мальчик, заболевший скарлатиною. Зеленский на этот счет немножко бравировал. У него была поговорка:

— Если ребенок умрет от горячки, доктора надо повесить за шею, а если от скарлатины — то за ноги.

Мелких чиновных лиц у нас в корпусе было очень мало. Например, вся канцелярия такого громадного учреждения состояла из одного бухгалтера Паутова — человека, имевшего феноменальную память, да трех писарей. Только и всего, и всегда все, что нужно, было сделано, но при больнице Зеленский держал большой комплект фельдшеров, и ему в этом не отказывали. К каждому серьезному больному приставлялся отдельный фельдшер, который так возле него и сидел — поправлял его, одевал, если раскидывается, и подавал лекарство. Отойти он, разумеется, не смел и подумать, потому что Зеленский был тут же, за дверью, и каждую минуту мог выйти; а тогда, по старине, много не говоря, сейчас же короткая расправа: зуботычина — и опять сиди на месте.

Глава пятнадцатая

Веруя и постоянно говоря, что «главное дело не в лечении, а в недопущении, в предупреждении болезней», Зеленский был чрезвычайно строг к прислуге, и зуботычины у него летели за малейшее неисполнение его гигиенических приказаний, к которым, как известно, наши русские люди относятся как к какой-то неосновательной прихоти. Зная

это, Зеленский держался с ними морали крыловской басни «Кот и повар». Не исполнено или неточно исполнено его приказание — не станет рассуждать, а сейчас же щелк по зубам, и пошел мимо. Мне немножко жаль сказывать об этой привычке скорого на руку доктора Зеленского, чтобы скорые на осуждение современные люди не сказали: «вот какой драчун или Держиморда», но чтобы воспоминания были верны и полны, из песни слова не выкинешь. Скажу только, что он не был Держиморда, а был даже добряк и наисправедливейший и великодушнейший человек, но был, разумеется, человек своего времени, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мерка: от человека требовали, чтобы «никого не сделать несчастным», и этого держались все хорошие люди, а в том числе и доктор Зеленский.

В видах недопущения болезней, прежде чем кадет вводили в классы, Зеленский проходил все классные комнаты, где в каждой был термометр. Он требовал, чтобы в классах было не меньше 13° и не больше 15°. Истопники и сторожа должны были находиться тут же, и если температура не выдержана — сейчас врачебная зубочистка. Когда мы садились за классные занятия, он точно так же обходил роты, и там опять происходило то же самое.

Пищу нашу он знал хорошо, потому что сам другой пищи не ел; он всегда обедал или с больными в лазарете, или с здоровыми, но не за особым, а за общим кадетским столом, и притом не позволял ставить себе избранного прибора, а садился где попало и ел то самое, чем питались мы.

Осматривал он нас каждую баню в предбаннике, но, кроме того, производил еще внезапные ревизии: вдруг остановит кадета и прикажет раздеться донага; осмотрит все тело, все белье, даже ногти на ногах оглядит — выстрижены ли.

Редкое и преползное внимание!

Но теперь, оканчивая и с ним, я скажу, что у этого третьего известного мне истинного друга детей составляло его удовольствие.

Глава шестнадцатая

Удовольствие доктора Зеленского заключалось в том, что, когда назначенные из кадет к выпуску в офицеры ожидали высочайшего приказа о производстве, он выбирал из них пять—шесть человек, которых знал, отличал за способности и любил. Он записывал их больными и помещал в лазарете, рядом с своей комнатой, давал им читать книги хороших авторов и вел с ними долгие беседы о самых разнообразных предметах.

Это, конечно, составляло некоторое злоупотребление, но если вникнуть в дело, то как это злоупотребление покажется простительно!

Надо только вспомнить, что было наделано с корпусами с тех пор, как они попали в руки Демидова, который, как выше было сказано, получил приказание их «подтянуть» и, кажется, слишком переусердствовал в исполнении. Думаю так потому, что графы Строганов и Уваров, действуя в то же время, ничего того не наделали, что наделал Демидов с корпусами. Под словом «подтянуть» Демидов понял — остановить образование. Теперь уже, разумеется, не было никакого места прежней задаче, чтобы корпус мог выпускать таких образованных людей, из коих при прежних порядках без нужды выбирали лиц, способных ко всякой служебной карьере, не исключая и

дипломатической. Наоборот, все дело шло о том, чтобы сузить наш умственный кругозор и всячески понизить значение науки. В корпусе существовала богатая библиотека и музей. Библиотеку приказали запереть, в музей не водить и наблюдать, чтобы никто не смел приносить с собою никакой книги из отпуска. Если же откроется, что, несмотря на запрещение, кто-нибудь принес из отпуска книгу, хотя бы и самую невинную, или, еще хуже, сам написал что-либо, то за это велено было подвергать строгому телесному наказанию розгами. Причем в определении меры этого наказания была установлена оригинальная постепенность: если кадет изобличался в прозаическом авторстве (конечно, смирного содержания), то ему давали двадцать пять ударов, а если он согрешил стихом, то вдвое. Это было за то, что Рылеев, который писал стихи, вышел из нашего корпуса. Книжечка всеобщей истории, не знаю кем составленная, была у нас едва ли не в двадцать страничек, и на обертке ее было обозначено: «Для воинов и для жителей». Прежде она была надписана: «Для воинов и для граждан» — так надписал ее ее искусный составитель, — но это было кем-то признано за неудобное, и вместо «для граждан» было поставлено «для жителей». Даже географические глобусы велено было вынести, чтобы не наводили на какие-нибудь мысли, а стену, на которой в старину были сделаны крупные надписи важных исторических дат, — закрасить... Было принято правилом, которое потом и выражено в инструкции, что «никакие учебные заведения в Европе не могут для заведений наших служить образцом» — они «уединоображиваются»**.

Глава семнадцатая

Можно представить: как мы при таком учении выходили учены... А впереди стояла целая жизнь. Добрый и просвещенный человек, каким, несомненно, был наш доктор Зеленский, не мог не чувствовать, как это ужасно, и не мог не позаботиться если не пополнить ужасающий пробел в наших сведениях (потому что это было невозможно), то по крайней мере хоть возбудить в нас какую-нибудь любознательность, дать хоть какое-нибудь направление нашим мыслям.

Правда, что это не составляет предмета заботливости врача казенного заведения, но он же был человек, он любил нас, он желал нам счастья и добра, а какое же счастье при круглом невежестве? Мы годились к чему-нибудь в корпусе, но выходили в жизнь в полном смысле ребятами, правда, с задатками чести и хороших правил, но совершенно ничего не понимая. Первый случай, первый хитрец при новой обстановке мог нас сбивать и вести по пути недоброму, которого мы не сумели бы ни понять, ни оценить. Как к этому быть равнодушным!

И вот Зеленский забирал нас к себе в лазарет и подшпиговывал нас то чтением, то беседами.

Известно ли об этом было Перскому, я не знаю, но может быть, что и было известно, только он не любил знать о том, о чем не считал нужным знать. Тогда было строго, но формалистики меньше.

Читали мы у Зеленского, опять повторяю, книги самые позволительные, а из бесед я помню только одну, и то потому, что она имела анекдотическое основание и через то особенно прочно засела в голову. Но, говорят, человек ни в чем так легко не намечается, как в своем любимом анекдоте, а потому я его здесь и приведу.

Зеленский говорил, что в жизнь надо внести с собою как можно более добрых чувств, способных порождать добрые настроения, из которых в свою очередь непременно должно вытечь доброе же поведение. А потому будут целесообразнее и все поступки в каждом столкновении и при всех случайностях. Всего предвидеть и распределить, где как поступить, невозможно, а надо все с добрым настроением и рассмотрением и без упрямства: приложить одно, а если не действует и раздражает, обратиться благоразумно к другому. Он все это из медицины брал и к ней приравнивал и говорил, что у него, в молодой поре, был упрямый главный доктор.

Подходит, говорит, к больному и спрашивает:

— Что у него?

— Так и так, — отвечает Зеленский, — весь аппарат бездействует, что-то вроде miserere***.

— Oleum ricini**** давали?

— Давали.

И еще там что-то спросил: давали?

— Давали.

— А oleum crotoni?*****

— Давали.

— Сколько?

— Две капли.

— Дать двадцать!

Зеленский только было рот раскрыл, чтобы возразить, и тот остановил:

— Дать двадцать!

— Слушаю-с.

На другой день спрашивает:

— А что больной с miserere: дали ему двадцать капель?

— Дали.

— Ну, и что он?

— Умер.

— Однако проняло?

— Да, проняло.

— То-то и есть.

И, довольный, что по его сделано, старший доктор начинал преспокойно бумаги подписывать. А что больной умер, до этого дела нет: лишь бы проняло.

Поскольку к чему этот медицинский анекдот мог быть приложим, он нам нравился и казался понятен, а уж насколько он кого-нибудь из нас воздерживал от вредного упрямства в выборе сильных, но вредно действующих средств, этого не знаю.

Зеленский служил в корпусе тридцать лет и оставил после себя всего богатства пятьдесят рублей.

Таковы были эти три коренные старца нашего кадетского скита; но надо помянуть еще четвертого, пришедшего в наш монастырь с своим уставом, но также попавшего нашему духу под стать и оставившего по себе превосходную память.

(Окончание следует)

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 1.

* В «<Краткой> истории Первого кадетского корпуса» (1832г.) есть упоминания о том, что государь император Александр Николаевич в отрочестве посещал корпус и там кушал с кадетами. (Прим. автора.).

** См. не действующее более «Наставление к образованию воспитанников военноучебных заведений», 24 декабря 1848 года, СПб., Типография военноучебных заведений. (Прим. автора.).

*** Жалеть, иметь сострадание (лат.); здесь — безнадежное состояние больного.

**** Касторовое масло (лат.).

***** Кротоновое масло (лат.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КОЛОМНИН Сергей Анатольевич —

редактор — член редколлегии редакции журнала «Ориентир», пресс-секретарь «Союза ветеранов Анголы», полковник (Москва)

БЕСЕДЫ О ЗАБЫТЫХ ВОЙНАХ

Эту примечательную книгу*, по всей видимости, правильнее было бы назвать «Беседы о забытых войнах». Но несмотря на неточность заголовка** и не совсем верное жанровое обозначение ее основного содержания***, она несет в себе ценную историческую информацию.

Выпущенный под редакцией кандидата исторических наук Г.В. Шубина сборник интервью (воспоминаний) советских офицеров — участников локальных войн и вооруженных конфликтов, записанных им же некогда на магнитофонную ленту, повествует о многих фактах и деталях, в большинстве своем неизвестных или мало известных широкой читательской аудитории.

Основное же место составитель сборника отводит боевым действиям именно в Анголе.

Эта страна с середины 1970-х и до конца 1980-х годов, являлась одним из центров соперничества великих держав и одновременно объектом многоуровневого вооруженного противостояния. На национальном уровне война велась между пришедшим к власти при прямой военной поддержке кубинских войск национально-освободительным движением и вооруженной оппозицией, на региональном — между Анголой и режимом апартеида Южно-Африканской Республики (ЮАР). И наконец, в глобальном противостоянии соперничали две сверхдержавы — СССР и США. Тогда, в эпоху «холодной войны», вопрос ставился так: кто из них сможет оказывать решающее влияние на Анголу, тот получит символический ключ ко всей Южной Африке.

Учитывая запутанность различных противостояний, а также отсутствие полной информации о столь тонких политических, дипломатических, экономических и военных сложностях, многие исследователи, склонные к фальсификации, спекулируют на всем этом. Можно привести в пример телевизионную программу «Забытый полк», где на полном серьезе говорилось об участии в боях против южноафриканцев под Куиту-Куанавале (1987 г.) бригады (или даже дивизии) советской морской пехоты, якобы переброшенной из СССР. Настоящая книга убедительно опровергает подобные измышлы.

Рассказы очевидцев той войны, опубликованные в сборнике Г.В. Шубина, наглядно свидетельствуют об ином: помощь Советского Союза молодому африканскому государству выражалась в поставках самого современного вооружения ангольским вооруженным силам и находившимся там кубинским формированиям; сюда были направлены тысячи советских военных советников, содействовавших созданию и обучению национальных вооруженных сил — ФАПЛА, которые всего через несколько лет после своего возникновения стали способны противостоять не только внутренней вооруженной оппозиции (УНИТА), но и самой современной военной силе на африканском континенте на тот период — армии ЮАР.

Воспоминания подполковника запаса А.А. Григоровича, полковника в отставке В.А. Митяева, старшего лейтенанта запаса А.Э.Алексеевского и полковника запаса Н.И. Калинина помогут читателю ознакомиться с непростой миссией наших военных советников, которым приходилось не только осуществлять свои специфические функции, но и часто в безвыходных ситуациях брать в руки оружие, садиться за штурвалы боевых машин пехоты, БТР, рычаги танков. Им приходилось нести все тяготы полевой военной службы, жить в палатках и землянках, постоянно испытывая серьезные бытовые неудобства и лишения, связанные с отсутствием питьевой воды, полноценного питания и медицинского обеспечения. В подобной обстановке выполняли многотрудные

обязанности также врачи, инженеры, летчики гражданской авиации и многие другие советские специалисты.

Встречаются в сборнике факты и о недостаточной подготовке тех же военных советников, особенно если это касалось специфики действий против партизанских формирований УНИТА с использованием противопартизанской тактики, которую в строевых частях Советской армии не изучали. Наиболее подготовленными в этом плане были направляемые в Анголу в качестве советников офицеры ВДВ, ГРУ и диверсионно-разведывательных подразделений армии и флота.

Не останавливаясь подробно на языковых и редакторских огрехах сборника, уместно все же заметить, что их немало, к тому же встречаются и фактические неточности.

Один из собеседников Г.В. Шубина А.А. Григорович утверждает (с. 23), что полеты кубинцев на поставленных из СССР самолетах МиГ-17 и МиГ-21 начались только весной 1976 года. Однако это не соответствует истине. Десять истребителей МиГ-17Ф были собраны советскими специалистами и облетаны кубинцами в январе этого года, заступив на боевое дежурство по охране ангольской столицы. Они же принимали участие в воздушном параде на авиабазе Луанды 21 января (с тех пор этот день празднуется в Анголе как день военной авиации). Еще 12 самолетов (МиГ-21МФ) были доставлены из СССР на аэродром Луанды спустя два дня после парада и собраны в течение двух недель. Именно после этой мощной «авиадемонстрации» сил нового ангольского правительства США отказались от поставок противникам МПЛА американских самолетов огневой поддержки.

В другом месте (с. 43) сообщается, что в ходе боевых действий ЮАР на ангольской территории армия агрессора применяла 155-мм гаубицы G-5 (буксируемая) и G-6 (самоходная). Однако в действительности G-5 там применялась, а G-6 не использовалась, что и подтверждает другой собеседник составителя сборника — Н.И. Калинин (с.87).

В примечании (с. 44) редактор-составитель ошибочно уведомляет читателей о том, что генерал-полковник К.Я. Курочкин исполнял обязанности главного военного советника в Анголе в 1980—1982 гг., тогда как тот находился там в 1982—1985 гг., о чем сообщается... на соседней странице (с. 45).

Встречаются и другие неточности.

И все же думается, настоящий сборник окажется интересным и полезным не только для читателей, интересующихся историей, но и для специалистов, обобщающих опыт боевых действий в условиях влажных тропиков, пустынь и гористой местности в обстановке ведения как обычной войны, так и специальных противопартизанских операций, а также для кадровых работников, готовящих российских военнослужащих для советнических и миротворческих миссий за рубежом.

* Шубин Г.В. Устная история забытых войн. Воспоминания ветеранов войны в Анголе. М.: «Memories», 2007. 140 с., ил.

** «Устная история» — событие, не зафиксированное письменно, но коль оно отражено на бумаге, тем более отдельным изданием, называться устным уже не может.

*** В краткой аннотации к книге можно прочитать, что в этом «сборнике приведены мемуары», хотя все ее содержание составляют интервью с основными персонажами. Причем в подзаголовке значится, что это «воспоминания ветеранов войны в Анголе». В то время та же аннотация свидетельствует, что наряду с подробностями о войне в Анголе здесь освещаются события, происходившие и на Ближнем Востоке, и в Афганистане, и в Приднестровье, и в Косово.

Кикнадзе Владимир Георгиевич —

ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала», капитан 2 ранга, кандидат военных наук (Москва)

СИМВОЛИКА, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА МОРСКОЙ АВИАЦИИ

В Смоленске вышла в свет монография* исследователя морской авиации, кандидата исторических наук полковника В.Л. Герасимова, посвященная созданию и развитию символики отечественной морской авиации за более чем 90-летний период (1915—2006 гг.). Автор, опираясь на большой архивный материал, привлек серьезную историографическую базу. При этом, что особенно ценно, символика и фалеристика авиации отечественного Военно-морского флота рассматривается в тесной связи с этапами и основными направлениями развития нашей морской авиации. Таким образом, несмотря на небольшой тираж и оставляющее желать лучшего полиграфическое исполнение, книга несет в себе немалый научно-исторический потенциал, внося новые аспекты в историографию Вооруженных сил России.

Книгой легко пользоваться благодаря четкой структуре, строгой логической последовательности в изложении материала и большому количеству иллюстраций. Автор рассматривает как нагрудные знаки и нарукавные знаки различия авиации ВМФ с 1915 по 2006 год, так и настольные и нагрудные медали и знаки, выпускающиеся в честь памятных дат морской авиации, начиная с 1998 года, когда была изготовлена первая юбилейная настольная медаль. Особо подробно автор остановился на символике морской авиации Балтийского и Черноморского флотов, справедливо подчеркивая особую роль Санкт-Петербурга и Севастополя в развитии морской авиации вообще.

Но, пожалуй, наибольшую благодарность бывших и действующих морских летчиков автор заслужил тем, что рассказал о первых, еще довоенных, советских генералах военно-морской авиации и их судьбах, об истории авиационных частей самого большого военно-морского авиационного гарнизона страны «Федотово», где во времена Советского Союза базировались стратегические авиаполки морской авиации. Не забыта автором и проблема отечественной морской авиации сегодняшнего дня — ее объединение с ПВО флота и трансформация морской авиации в ВВС и ПВО ВМФ, что многими специалистами воспринимается неоднозначно.

В целом монография об отечественной морской авиации и ее символике представляет собой новое слово в историографии и фалеристике и будет полезна всем, занимающимся историей отечественного ВМФ.

* Герасимов В.Л. Символика морской авиация Отечества (1915—2006гг.): исторический аспект. Монография. Смоленск: РИЦ «Геростеп», 2007. 136 с.

ПАРАХИН Вадим Вячеславович —

студент Московского гуманитарно-экономического института (Москва)

КРЫЛАТАЯ ГВАРДИЯ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ

На протяжении всего последнего столетия ключевая роль в крупных боевых конфликтах отводилась авиации, в частности истребительной, поскольку слаженный отряд бомбардировщиков под прикрытием истребителей мог уничтожить наземную группировку противника без каких-либо ощутимых для себя потерь. Об этом свидетельствует, в частности, боевая история созданного в начале Великой Отечественной войны 434-го истребительного авиационного полка, позже переименованного в 32-й гвардейский истребительный (32 гиап), которому и посвящена представляемая читателям книга*. В труде освещаются как становление и значимая роль боевой воздушной части в Великой Отечественной войне, так и ее послевоенные дела, например непосредственное участие в Карибском кризисе (1962—1963 гг.). Первая часть исследовательской работы включает в себя подробное описание боевых действий части — в небе над Сталинградом, на Брянском фронте, на северо-западном направлении, в воздушном пространстве Белоруссии, на 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах, над Берлином. В целом же в годы войны 32 гиап совершил 8388 боевых вылетов и одержал 518 воздушных побед, принесших ему пятое место в неофициальном рейтинге самых результативных истребительных полков СССР; 17 летчиков этой части были удостоены звания Героя Советского Союза.

Последующие главы книги посвящены учебно-боевой работе полка в 1950—1960-е годы. В них несколько меняется форма подачи материала: все события мы видим глазами вспоминающих о них летчиков-ветеранов полка, представлены они в хронологической последовательности, с небольшими авторскими комментариями. Центральной темой здесь является освоение пилотами 32 гиап самолетов нового поколения, классических образцов выдающихся достижений мирового авиастроительства: первого отечественного реактивного истребителя МиГ-9, самолетов Як-17, МиГ-15, МиГ-17, первого сверхзвукового самолета-истребителя МиГ-19 и лучшего в мире легкого фронтового истребителя своего времени МиГ-21, долгие годы являвшегося основой не только советских ВВС, но и военно-воздушных сил почти 30 стран мира. Также немало строк уделено участию прославленного полка в знаменитых воздушных парадах в небе Москвы.

Заглавной темой всей книги является участие 32 гиап в событиях Карибского кризиса в рамках стратегической операции «Анадырь». По признанию автора, идея написать книгу возникла у него под впечатлением «кубинских» рассказов отца, в 1958—1969 гг. Автору

удалось путем внимательного и бережного отношения к деталям, передать всю значимость происходящего и атмосферу невероятного напряжения, царившего в мире. В эпицентре же столь острого напряжения, на чем акцентирует внимание читателей Сергей Исаев, — пилоты 32 гиап.

Исследовательский труд С.М. Исаева снабжен большим количеством фотографий и схем, а также обширной статистической информацией. В нем помимо всего представлены: подробные статистические сводки, описания, приложения, таблицы с сообщениями о летчиках-героях, служивших в 32 гиап, и командирах полка, руководивших прославленной частью с 1941 по 1967 годы; данные о самолетах, стоявших на вооружении в то же время, сведения об итогах военной подготовки 32 гиап во время пребывания его на Кубе в 1962—63 гг.; биографии людей, имевших то или иное отношение к истории полка 1941—1967 гг.

Книга Сергея Исаева лишена идеологических пристрастий, каждый факт, каждое событие, будь то описание боевых вылетов или воспроизведение происшествий мирного времени, подготовлены на основе обширной мемуарной и исторической литературы, документов Центрального архива Министерства обороны РФ. Надеемся, она будет полезна как военным историкам, так и всем тем, кто интересуется историей развития отечественной авиации.

* Сергей Исаев. Страницы истории 32-го гвардейского Виленского орденов Ленина и Кутузова III степени истребительного авиационного полка. Ч. 1. 1941—1967 годы. М.: Издат. группа «Арбор». С. 220, ил.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Лукиянов Дмитрий Борисович —

старший офицер по общественно-государственной подготовке и информированию войсковой части, майор (с. Сысоевка Приморского края)

От Ладоги до сопок Маньчжурии. К 70-летию отдельного радиодивизиона

7 марта 1938 года директивой 4-го отдела штаба Ленинградского Военного округа началось формирование 11-го отдельного радиодивизиона (командир капитан С.А. Прибытков, военный комиссар батальонный комиссар И.М. Игнатъев, адъютант старший лейтенант И.И. Евсеев). Окончательно дивизион был сформирован 10 марта 1938 года, располагался в Ленинграде по ул. Звенигородской, д. 5.

Боевой путь части начался 7 сентября 1939 года, когда в составе 7, 8 и 9-й армий Северо-Западного фронта она приняла активное участие в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг.

С первых дней Великой Отечественной войны дивизион выполнял оперативные задания в интересах 23-й армии Ленинградского фронта, затем Карельского фронта. Так, в район

боевых действий 123-й стрелковой дивизии была выброшена спецгруппа в количестве 8 человек под командованием техника-интенданта 1 ранга Е.Т. Мартынова.

С 21 августа по 8 сентября 1941 года дивизион принимал участие в боях на Карельском фронте, в районе действия 19-й армии. С 8 сентября по 14 декабря дивизион, выполняя оперативные задания, находился в блокадном Ленинграде. С декабря 1941 года по окончании боевых действий на Карельском фронте оперативные задания были временно отменены, выполнение их вновь возобновилось с сентября 1943 года, когда спецгруппу в составе 5 человек под командованием лейтенанта М.П. Пучкина направили в район боевых действий 31-го стрелкового корпуса 26-й армии, действовавшего на Кестеньгском направлении. После тяжелого ранения лейтенанта М.П. Пучкина командовать группой стал младший лейтенант Е.В. Чуль.

15 июня 1944 года была сформирована маневренная группа в составе двух радиопунктов, которая под командованием старшего техника-лейтенанта С.П. Головача была направлена для выполнения оперативных заданий на Свирское направление, в район боевых действий 7-й армии.

В годы Великой Отечественной войны дивизион пополнялся личным составом (командами от 10 до 15 человек) из 25-го учебного отдельного радиополка.

С 20 декабря 1944 года воинское формирование в составе фронта перевели в резерв в район г. Ярославль (п. Пятовское), где оно готовилось к новому выступлению на фронт.

29 мая 1945 года дивизион перебросили на Дальний Восток, 24 июня он прибыл в г. Ворошилов-Уссурийский, в распоряжение штаба Приморской группы войск, а затем 1-го Дальневосточного фронта, где и приступил к выполнению оперативных заданий.

Затем личный состав радиодивизиона выполнял оперативные задания в Северной Корее, Китайской Народной Республике (Порт-Артур), на Острове Сахалин, в Хабаровском крае и Амурской области. В 1948 году это воинское соединение дислоцировалось в г.Канко (Северная Корея).

С 10 мая по 1 августа 1952 года согласно приказу Приморского военного округа произведено переформирование 398-го дивизиона в отдельный радиополк станции Розенгартовка Хабаровского края. В этот период выполнялись оперативные задания по испытанию новой радиоаппаратуры в Хасанском районе, в городах Порт-Артур и Дальний (Далянь, КНР). С 1 сентября 1959 года радиодивизион дислоцировался в селе Сысоевка Яковлевского района.

Однако бывали моменты, когда приходилось приостанавливать строительство мирной жизни, брать в руки оружие и защищать свой дом от посягательств врага. В 1969 году личный состав дивизиона отражал военную провокацию в районе острова Даманский.

В разные годы частью командовали: подполковники В. Кулий, Е. Сальников, Ю. Мытин; полковник-инженер А. Федотов; полковники В. Безуглый, А. Предиус, В. Касьян, К. Котуков, Р. Лихач. В настоящее время частью командует полковник В.Г. Парамонов.

Публикация: ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Февраль В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 февраля 1938 года в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в целях обеспечения надежной охраны государственных рубежей установлена пограничная полоса на всем протяжении границы СССР.

2 февраля — День воинской славы России. День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 г.).

2 февраля 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «Партизану Великой Отечественной войны» двух степеней.

3 февраля 1903 года в целях противодействия активному военному шпионажу, осуществляемому зарубежными разведками, создано Разведочное отделение. Основная задача нового органа заключалась «в установлении негласного надзора за путями тайной военной разведки, имеющей исходной точкой иностранных военных агентов и конечными пунктами лиц, находящихся на государственной службе внутри страны». Во главе первого органа российской военной контрразведки встал ротмистр отдельного корпуса жандармов В.Н. Лавров.

6 февраля 1883 года, 125 лет назад, в г. Киеве родился Д.П. Григорович, авиаконструктор. В 1909 году окончил Киевский политехнический институт. В 1913-м сконструировал свою первую летающую лодку М-1. Через два года построил летающую лодку М-9. В 1916 году был построен гидросамолет-истребитель М-11. Под руководством Дмитрия Павловича создан истребитель И-2 бис, а в 1930 году Д.П. Григорович совместно с Н.Н. Поликарповым сконструировал истребитель И-5.

8 февраля 1943 года в ходе проведения Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции войска Воронежского фронта (генерал-лейтенант Ф.И. Голиков) освободили от немецко-фашистских захватчиков г. Курск.

9 февраля 1943 года в ходе проведения Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции войска Воронежского фронта освободили от немецко-фашистских захватчиков г. Белгород.

11 февраля 1918 года СНК РСФСР принял Декрет об организации Рабоче-крестьянского Красного флота.

15 февраля — День памяти воинов-интернационалистов.

18 февраля 1918 года во время Первой мировой войны австрийские и германские войска после срыва брестских переговоров вторглись на территорию России и Украины.

20 февраля 1908 года родился Г.Я. Бахчиванджи (ст. Бриньковская Краснодарского края), летчик-испытатель, капитан. В Красной армии — с 1931 года. В 1934 году окончил Оренбургскую школу пилотов. Участник Великой Отечественной войны, совершил 65 боевых вылетов. С августа 1941-го — на лётно-испытательной работе. 15 мая 1942 года совершил первый в СССР полет на ракетном самолете БИ-1 с ЖРД. Погиб во время седьмого испытательного полета 27 марта 1943 года. Летчику-испытателю посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

21 февраля 1808 года, 200 лет назад, русские войска численностью в 24 тыс. человек под командованием генерала от инфантерии Ф.Ф. Буксгевдена перешли границу Финляндии. Началась русско-шведская война 1808—1809 гг.

22 февраля 1828 года между Россией и Ираном был заключен договор, завершивший русско-иранскую войну 1826—1828 года. Подписан в с. Туркманчай, отчего получил название Туркманчайский мир.

23 февраля — День воинской славы России. День защитника Отечества. В 1922—1992 гг. отмечался как День Советской армии и Военно-морского флота.

23 февраля 1938 года, оказывая помощь Китаю против милитаристской Японии, войска которой оккупировали ряд китайских провинций, советские летчики под командованием командира авиаотряда капитана Ф.П. Полынина, действуя с аэродрома Ханькоу, нанесли бомбовый удар по авиационной базе японцев на о. Тайвань. В результате удара было уничтожено около 40 вражеских самолетов, трехлетний запас горючего и крупные склады авиационного имущества. За умелое командование группой бомбардировщиков капитану Ф.П. Полынину было присвоено звание Героя Советского Союза.

26 февраля 1918 года родился Н.Д. Гулаев (ст. Аксайская Ростовской обл.), генерал-полковник авиации (1972), дважды Герой Советского Союза (1943, 1944). Во время Великой Отечественной войны участвовал в боях в составе войск Сталинградского, Воронежского, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. За годы войны совершил 248 успешных боевых вылетов, провел 69 воздушных боев, сбил лично 52 и в группе 5 самолетов противника. После войны занимал различные командные должности в Войсках ПВО страны, заместитель главнокомандующего Войсками противовоздушной обороны страны — начальник боевой подготовки (1974—1976 гг.).

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ КОНКУРСА

Начальником Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ полковником А.Н. Антиповым подведены итоги творческого конкурса на лучшие материалы, опубликованные в «Военно-историческом журнале» в 2007 году.

За подготовку материалов, отличающихся глубоким теоретическим содержанием, убедительностью и ясностью изложения, практической значимостью, а также в связи с празднованием Дня российской печати первая поощрительная премия присуждена кандидату исторических наук, доценту НИКИФОРОВУ Юрию Александровичу (Институт всеобщей истории РАН, г. Москва) за статьи, опубликованные в рубрике «Против лжи и фальсификаций»: в № 5 (май) под заголовком «Лавровая петля генерал-лейтенанта А.А. Власова» (редактор Е.В. Добычина) и в № 11 (ноябрь) под заголовком «Сколько дилетантов-“историков” – столько и исторических сенсаций. Новые версии нашего

прошлого за счет домыслов и искажений на страницах газеты научного сообщества «Поиск»» (редактор Е.В. Добычина).

Вторая поощрительная премия присуждена кандидату политических наук КОЛОМЫЦУ Дмитрию Михайловичу (Казанский государственный энергетический университет, г. Казань) за опубликованную в № 4 (апрель) в рубрике «Против лжи и фальсификаций» статью «Отстаивая принципы научности и объективности: критические мысли о некоторых книгах “нетрадиционных военных историков”» (редактор Н.Ф. Ковалевский).

Третья поощрительная премия присуждена кандидату политических наук кандидату исторических наук, доценту полковнику ГЕРАСИМОВУ Василию Леонидовичу (Институт военной истории МО РФ, г. Москва) за серию опубликованных рецензий на книги в рубрике «Критика и библиография»: в № 2 (февраль) под заголовком «Стокгольмское окно в воюющую Европу», в № 3 (март) под заголовком «Морские крылья Отечества», в № 8 (август) под заголовком «1-я гвардейская Краснознаменная»; а также серию опубликованных статей в рубрике «Из истории вооружения и техники» — в № 10 (октябрь) под заголовком «Отечественная морская авиация начиналась с аэроплана “Антуанетт”» и в рубрике «Историография и источниковедение» — в № 12 под заголовком «Дискуссионные вопросы развития отечественной морской авиации. 1921—1927 гг.» (редактор всех материалов В.Л. Герасимова — А.В. Островский).

Победителям творческого конкурса помимо денежных премий вручена подписка на «Военно-исторический журнал» на 2008 год.

Помимо этого, присуждены поощрительные премии (подписка на «Военно-исторический журнал» на 2008 год): кандидату химических наук КОЛПИКОВОЙ Елене Федоровне (г. Москва) за опубликованную в № 1 (январь) в рубрике «Первая мировая война» статью под заголовком «Мысли о родине, чести и воинском долге в письмах фронтовика есаула А.А. Упорникова (редактор В.Г. Оппоков) и серию подготовленных к опубликованию материалов в рубрике «Фамильный архив» с подзаголовком «Фронтовые письма есаула А.А. Упорникова периода Первой мировой войны» под заголовками «Надевая офицерский мундир, начинаешь смотреть на все несколько иными глазами...» в № 1 (январь), «Я ничего так сильно не боюсь, как ... тихих дней на позиции» в № 3 (март), «Стыдно за людей, которые ... спешат бросить грязью в то, чему раньше поклонялись» в № 5 (май), «Война без порыва, как дело без старания, обречена на неудачу» в № 6 (июнь), «Одно несомненно, что армия наша будет существовать, и ... очень хочется видеть ее снова победной» в № 7 (июль) (редактор всех материалов Е.Ф. Колпиковой — В.Г. Оппоков); подполковнику ЛОБАНОВУ Андрею Владимировичу (Военное представительство МО РФ, г. Москва) за опубликованную статью в № 10 (октябрь) в рубрике «Против лжи и фальсификаций» под заголовком «Псевдонаучное исследование военных действий в Северном Причерноморье. “Неизвестные войны” историка Александра Широкограда» (редактор В.Г. Оппоков); капитану 1 ранга МАЧИКИНУ Евгению Геннадьевичу (Научно-исследовательская историческая группа ВМФ, г. Москва) за опубликованную статью в № 10 (октябрь) в рубрике «Против лжи и фальсификаций» под заголовком «Разбавленная анекдотами хроника с многочисленными ошибками и неточностями. “Неизвестные войны” историка Александра Широкограда. Продолжение» (редактор В.Г. Оппоков).

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Начальник Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ приглашает к участию в конкурсе на лучшую публикацию в текущем 2008 году на страницах «Военно-исторического журнала». Авторам материалов, победившим в конкурсе, будут

присуждены по одной первой, второй и третьей денежной премии. Лауреатов поощрят и годовой подпиской на журнал. Кроме того, выделяются три подписки на «Военно-исторический журнал» для участников творческого конкурса. Наш журнал объявит его результаты к Дню российской печати — 13 января 2009 года.

Приглашаем авторов «Военно-исторического журнала» к участию в конкурсе!

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА

Никифоров Юрий Александрович

Родился 12 декабря 1968 году в Москве. Окончил Московский государственный гуманитарный университет (МГГУ) им. М.А.Шолохова. С 2000 — доцент МГГУ им. М.А. Шолохова, с 2001 — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор и составитель ряда трудов: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.4: Вторая мировая война: документы и материалы (М. 2002; 2-е изд. М. 2005); Великая Отечественная война 1941—1945. Книга для чтения: В 2 ч. (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005); Иллюстрированная энциклопедия «Руссика». Великая Отечественная война. 1941—1945. (М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005); Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943: Кн.1. (М.: Наука, 2006); Россия: Иллюстрированная энциклопедия. (М.: ОЛМА Медиа Групп, «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2006).

Кандидат исторических наук (2000), доцент (2005), профессор Академии военных наук.

Коломыц Дмитрий Михайлович

Родился 27 июня 1964 года в г. Казани. Окончил исторический факультет Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина (1986), там же аспирантуру в 1993 году. С 1986 года работал социологом на заводе «Электрон», 1987—1990, 1993—1994 годы — преподавателем гуманитарных кафедр Хабаровского политехнического института. С 1994 по 2004 год трудился в различных вузах г.Казани. С 2004 года — доцент Казанского государственного энергетического университета.

Автор около двадцати опубликованных научных статей, монографии «Проблемы российской государственности на рубеже XX—XXI веков» (Казань: Школа, 2005). Научные интересы: современные проблемы нравственного и идеологического состояния российского общества, особенности цивилизационного развития России, философские и исторические проблемы развития власти и властных отношений, проблемы поиска путей развития России и мира.

Кандидат политических наук (1994).

Герасимов Василий Леонидович

Родился 30 сентября 1961 года в г. Смоленске. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского (1981), Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е.Жуковского (1988), Военно-морскую академию имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова с отличием (2000), факультет переподготовки и повышения квалификации Военной академии Генерального штаба ВС РФ (2002). Проходил службу в 76-м отдельном противолодочном авиационном полку военно-воздушных сил Северного флота, в управлении командующего авиацией ВМФ и управлении боевой подготовки Военно-морского флота. Был заместителем

главного редактора (редактором по отделу оперативного искусства и военно-морской теории) журнала «Морской сборник», заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала», старшим преподавателем кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС. РФ.

С марта 2003 года проходит службу в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации: в 2003—2007 гг. — начальник научно-исследовательского отдела (координации и планирования научных исследований в области военной истории), с июля 2007 года — заместитель начальника Военно-энциклопедического управления.

Автор более 250 научных работ, среди которых четыре монографии по истории отечественной морской авиации.

Кандидат исторических наук (2004), доцент (2007). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (1996) и многими медалями, в том числе «За воинскую доблесть» I и II степени, «За укрепление боевого содружества», «Адмирал Горшков».

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

БАЛТИЙЦЫ ОБ АРХИПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В Балтийском военно-морском институте им. адмирала Ф.Ф.Ушакова (г.Калининграде) состоялась научно-историческая конференция, посвященная 200-летию 2-й Архипелагской экспедиции Российского флота, организованная Калининградским региональным отделением Академии военно-исторических наук и Академии военных наук (КРО АВИН и АВН), а также Союзом ветеранов Балтийского флота.

Открыл конференцию член президиума КРО АВИН, академик АВИН лауреат Государственной премии РФ адмирал В.Г. Егоров. Были заслушаны доклады членов КРО АВИН И.Н. Кинякина — «Адмирал Д.Н. Сенявин — флотоводец и дипломат», В.С. Германова — «Врагов не считают, их бьют», С.В. Беленькова — «Боевые действия эскадры вице-адмирала Д.Н. Сенявина в Адриатическом море (1805—1807 гг.)», Б.П. Нечитайло — «Дарданелльское сражение», Б.М. Амусина — «Балтийский флот в войне с Турцией (1806—1812 гг.). 2-я Архипелагская экспедиция», Е.Н. Рукавишников — «2-я Архипелагская экспедиция Российского флота: война и политика (1805—1807 гг.)», В.Г. Галыги — «Роль отечественного Военно-морского флота на Средиземном море в 1805—1807 гг. в вопросах воспитания патриотизма молодежи России», С.А. Гурова — «Корабли 2-й Архипелагской экспедиции».

Перед участниками конференции выступили директор Калининградского областного историко-художественного музея кандидат исторических наук С.А. Якимов; заведующий кафедрой зарубежной истории и международных отношений Российского

государственного университета им. И. Канта доктор исторических наук, профессор В.В. Сергеев; доцент Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота В.П. Пантелеева и другие.

После перерыва состоялось общее собрание КРО АВИН и АВН, на котором вице-президентом отделения академиком Б.М. Амусиным были подведены итоги работы регионального отделения в первом полугодии 2007 года и озвучены его задачи на текущий год. По материалам конференции был выпущен сборник.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ВОЙНЫ. СЕНСАЦИЙ НЕ БУДЕТ

В неоднозначной и скандальной книге Марка Солонина «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?»* по-новому рассматривается начальный этап войны между гитлеровской Германией и Советским Союзом. На основе данных, извлечённых документов и материалов, а также анализа научно-исторической и мемуарной литературы автор рассматривает причины катастрофических поражений Красной армии в первые недели войны.

«Впереди у нас сотни страниц сложного, перенасыщенного цифрами, датами, номерами дивизий и калибрами танковых пушек текста. Раз за разом будем мы останавливаться перед каждым „общеизвестным“, „само собой разумеющимся“, ставшими привычным как растоптанные галочки, утверждением для того, чтобы узнать — а что же на самом деле скрывается за этими устоявшимися цифрами?» — обращается автор к читателям книги в предисловии.

Автору потребовалось 15 лет, для того чтобы найти и описать маленький фрагмент истории — основные события не выходят за временные рамки двух недель лета 1941 года. В книге нет простых коротких ответов на те сложнейшие вопросы, над которыми ещё предстоит работать поколениям исследователей. Издание предназначено историкам и всем, кто интересуется Второй мировой войной.

*Солонин М., 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М.: Яуза, Эксмо. 2007. 512с.

Потапов Михаил Григорьевич —

заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Новосибирского государственного технического университета, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент (г. Новосибирск)

Важный шаг в пропаганде истории военно-морского флота России

В ноябре 2006 года Новосибирским региональным отделением Российского морского собрания, Новосибирской государственной академией водного транспорта и областным государственным учреждением «Центр патриотического воспитания граждан» была проведена конференция «Российскому флоту быть!», на основе материалов которой был выпущен одноименный сборник*.

Это издание стало важным шагом в пропаганде истории Военно-морского флота. В сборнике представлены работы, освещающие становление и развитие парусного флота России. С современных позиций историками рассматривается роль Российского флота в ряде событий XVIII—XX вв. Отражены проблемы ВМФ как в советский, так и постсоветский периоды. Примечателен тот факт, что в числе авторов не только ученые, военнослужащие, ветераны, но и большое количество молодежи — студентов и учащихся различных учебных заведений г. Новосибирска.

Среди работ известных специалистов представляют особый интерес статьи доктора исторических наук, профессора, заведующего сектором Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук и заведующего кафедрой истории России Новосибирского государственного университета М.В. Шиловского — «Военно-морской флот и российская модернизация XVIII — начала XXI века», кандидата исторических наук В.А. Эрлиха — «Участие российских моряков в изучении севера и востока Азии и научная книга XVIII — середины XIX века», кандидата исторических наук Е.А. Базылевой «Адмирал Ф.П. Литке — первый вице-премьер Императорского Русского географического общества», кандидата исторических наук, преподавателя Новосибирского ВОКУ (Военного института) полковника А.М. Панченко «Судовые офицерские и матросские библиотеки», кандидата исторических наук А.А. Алексева «Топогеодезическое и картографическое обеспечение Военно-морского флота СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: исторический аспект», кандидата исторических наук В.Л. Барсукова «Исторические особенности становления России как морской державы», кандидата исторических наук В.И. Баяндина «Военно-морские силы России в восточном океане в XIX — начале XX века», кандидата исторических наук Л.Н. Харченко «Обер-иеромонах Российского флота Иннокентий (Кульчицкий) — первый Иркутский епископ».

Среди публикаций молодых исследователей привлекают внимание статьи Д.В. Крупницкого — «Оценка деятельности генерал-адъютанта его императорского величества З.П. Рожественского с точки зрения современной истории», М.В. Коротковой — «О питании моряков Российского парусного флота» и Д.В. Федоскиной — «Морские “слова” и термины».

* Российскому флоту быть! Материалы областной научно-истор. конф. Новосибирск, 2006. 243 с.

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Бочкарев М.П. Моя война. Документальная повесть. Симферополь: Таврида, 2006. 196 с., ил.

Передана автором

(г.Севастополь, Украина)

Семенов В.П. Русская история: проблемы и спорные вопросы: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2007. 653 с.

Передана автором

(Москва)

Пашков Б.Г. Русь — Россия — Российская империя. Хроника правлений и событий 862—1917 гг. 2-е изд-ие. М.: ЦентрКом, 1997. 640 с., ил.

Передана автором

(Москва)

Золотарев В.А. Отечественные военные реформы. М.: Арбизо, 1997. 126 с.

Золотарев В.А., Орлов А.С. Сокрушение зла. Великие тайны великой войны. М., 2006. 472 с.

Золотарев В.А. Уроки военной истории Государства Российского. М.: Animi Fortitudo, 2007. 448 с., ил.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Действующая армия. М.: Animi Fortitudo, Кучково поле, 2005. 664 с.

Патриотизм — один из решающих факторов безопасности Российского государства. М.: ИРИ РАН, 2006. 294 с.

Россия и Япония на заре XX столетия: Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М.: Арбизо, 1994. 583 с., ил.

Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. М.: Международный благотворительный общественный фонд «Победа — 1945 год», 2000. 656 с.

Геомилитаризм, геополитика, безопасность. Москва — Жуковский: Кучково поле, 2003. № 8. 519 с., М.: Animi Fortitudo, 2005. № 9. 609 с.; 2007. № 10. 532 с.

Переданы доктором исторических наук, профессором генерал-майором запаса В.А. Золотаревым

(Москва)

Przegląd historyczno — wojskowy. Kwartalnik. Rok VIII (LIX) NR 3 (218). Warszawa, 2007.
240 s.

Передан Wojskowe Biuro Badań Historycznych

(Варшава, Польша)